

Juridisko un Sociālo Zinātņu
un Sociālo Zinātņu **BALTIJAS ŽURNĀLS**

Juridisko un Sociālo Zinātņu
BALTIJAS ŽURNĀLS

Baltic Journal
of Legal and Social
Sciences

Rīga:

Baltijas Starptautiskā Akadēmija

ISSN 2592-8813

IZDEVNIECĪBA
BALTIJA
PUBLISHING

EDITORIAL BOARD

The editorial board implements the editorial policy of the Journal, determines the topical topic of the Journal, organizes scientific review and editing of articles, approves the content of the regular numbers of the Journal, prepares materials for publication, determines issues of distribution of the Journal.

The Senate of the Baltic International Academy approves the composition (or changes) of the editorial board.

Editor-in-chief of the Journal:

Dr. sc. Soc. **Vladislav Volkov** (*Latvia*)

Members of the editorial board:

J.D., PhD., LL.D. **William Elliot Butler** (*USA, UK*)

Dr. iur. **Mikhail Brinchuk** (*Russia*)

PhD. in Law **Sergiy Glibko** (*Ukraine*)

Dr. hist. **Ivelin Arginov Ivanov** (*Bulgaria*)

Dr. habil. iur. **Viktoras Justickis** (*Lithuania*)

Dr. iur. **Sandra Kaija** (*Latvia*)

PhD. in Law **Tatiana Kalin** (*Estonia*)

Dr. iur. **Valery Matveichuk** (*Ukraine*)

PhD. **Irena Mikulaco** (*Croatia*)

Dr. iur. **Aleksandr Petrishyn** (*Ukraine*)

Dr. psych. **Irina Plotka** (*Latvia*)

Dr., PhD. **Pietro Andrea Podda** (*Czech Republic*)

Dr.habil.iur. **Gerhard Robber** (*Germany*)

Dr. psych. **Aleksey Ruzha** (*Latvia*)

Dr. hist. **Helena Shimkuva** (*Latvia*)

Dr. iur. **Andrejs Vilks** (*Latvia*)

Dr. iur. **Vladimirs Vituško** (*Belarus*)

Dr. habil.sc. **Jacek Zelinski** (*Poland*)

Cover design author professor **Mihail Kopeikin** (*Latvia*)

Baltic Journal of Legal and Social Sciences,

Number 1. Riga, Latvia : "Baltija Publishing", 2021, 60 pages.

Baltic International Academy is a co-publisher of this periodical.

Printed and bound in Riga by LLC Publishing House "Baltija Publishing".

Journal is available: www.baltijapublishing.lv/index.php/bjlss

DOI: <https://doi.org/10.30525/2592-8813>

Type of publication from the application:

Journal-Digital-Online

Issue ISSN 2592-8813

Contents

<i>Grigori Fainstein</i>	
DEVELOPMENT OF ESTONIAN TRADE PATTERNS.....	4
<i>Никита Никуфоров</i>	
ВНЕДРЕНИЯ БОЛОНСКИХ РЕШЕНИЙ: ОПЫТ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ/ IMPLEMENTATION OF BOLOGNA DECLARATION STANDARDS: THE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF LATVIA.....	11
<i>Александр Байков</i>	
КАТЕГОРИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ ЧАСТНОГО ПРАВА/ RATIONALITY CATEGORY OF PRIVATE LAW.....	20
<i>Natalja Pašina, Edgars Golts</i>	
IZVAIRĪŠANĀS NO NODOKĻU NOMAKSAS N NOZIEDZĪGI IEGŪTU LĪDZEKĻU LEGALIZĒŠANA KĀ NOZIEDZĪGU NODARĪJUMU KOPĪBA/ TAX EVASION AND MONEY LAUNDERING AS A SET OF CRIMINAL OFFENCES.....	38
<i>Karina Ostapenko</i>	
INTERGENERATIONAL TRANSMISSION OF VALUES.....	51
INFORMATION FOR AUTHORS.....	57

DOI <https://doi.org/10.30525/2592-8813-2021-1-1>

Grigori Fainstein

DEVELOPMENT OF ESTONIAN TRADE PATTERNS

Abstract

This paper describes specialisation dynamics in Estonian export using revealed comparative advantage (RCA) and intra-industry trade (IIT) measures. We analyse the development of the distribution of comparative advantage using descriptive statistics and Galtonian regression. Intra-industry trade dynamic is analyzed using a marginal approach. We generally observe a stable specialization structure of Estonian exports in 2006-2011, along with some changes in specialization in the years following that. Based on the analysis of the RSA index and the Galtonian regression, we can make the conclusion about the diversification of the specialisation structure. The most important component of trade expansion in Estonia within the considered time period is the intra-industry trade. In 2016-2020 there was a significant increase in the specialization shift component in trade dynamic, which indicates the structural changes in Estonian exports. The most essential structural changes during the last five years occurred in such commodity sectors as food and live animals, animal and vegetable oils, as well as machinery and transport equipment, which were caused by the increasing share of specialization shift.

Key words: comparative advantage, specialization, trade patterns, intra-industry trade, Balassa index of revealed comparative advantage, Grubel-Lloyd index.

Introduction

From the time of obtaining independence essential structural changes occur in the Estonian economy. The same happens to the Estonian foreign trade flows. In the 1990s, the main factors of these developments included rapid reorientation from the markets of the former Soviet republics to the EU markets and the inflow of FDI; further changes were mainly determined by the economic crisis in Russia and the global financial crisis, as well as a number of shocks to the world economy in recent years, including the Covid-19 epidemic. The reorientation to European markets was initially facilitated by low production costs. With the integration into the European Union, the costs of production grew (primarily wages); this, in order to stay competitive, required Grigori Fainstein, Dr.oec., docent (Baltic International Academy, Riga, Latvia) an increase in the technical level and the product quality. This became possible due to the attraction of direct investments, primarily from the countries of the European Union.

Trade patterns development is a dynamic process, accompanied by a reallocation of resources between economic sectors, creates essential adjustment cost. Measurement of this cost, together with trade patterns dynamic, is the fundamental problems of economic analysis. The dynamic character of this process requires a special methodological approach. Thus, the aim of this paper is to apply this approach to Estonian trade patterns in order to analyse dynamic of specialization and intra-industry component of foreign trade in recent years.

For empirical analysis of Estonian trade patterns, we used export and import data time series from the UNSTAD database for 2006-2020. This data is available in the format of the Standard International Trade Classification (SITC) Revision 3 structure, and includes 255 commodity sectors in 3-digit level of aggregation, which will be aggregated in the process of analysis in 2-digit level commodity sectors.

The rest of the paper is structured as follows. In the second section we present the theoretical framework and discuss measuring problems, in the third section empirical analysis and results are presented, and following that comes the conclusion.

Theoretical Framework and Measurement Problems of the Dynamics of Trade Patterns

According to the traditional trade theory known as the Ricardian model of comparative advantage and its modern interpretation in the Heckscher-Ohlin model, the country's foreign trade patterns are determined by its relative factor endowments. This theory predicts changes in country's trade patterns only if its relative factor endowments change compared with those of its trading partners. Redding (2002) analysed changes in factor endowments in 7 OESD countries and concluded that these are important determinants of specialization development in the long run.

The most common measure of the structure of export flows on the basis of comparative advantage is the Balassa index of revealed comparative advantage (RCA), proposed by Balassa (1965). It is calculated as follows

$$RCA_i = \frac{X_{ij} / \sum X_{ij}}{X_i^W / \sum M_i^W} \quad (1)$$

where

X_{ij} is an exports of commodity i in country j

X_i^W is a world export of commodity i .

Despite its popularity, the Balassa index has a number of problems when used in econometric analysis, where the main problem is its asymmetry. The index can take values from zero to infinity. From zero to one there is the comparative disadvantage zone and, accordingly, the comparative advantage zone is above one. As a result, the distribution of the index is skewed towards the right and the average is systematically higher than the median. To solve these problems, Dalum et al. (1998) developed a revealed symmetric comparative advantage index (RSCA), which is calculated according to the following formula.

$$RSCA_i = \frac{RCA_i - 1}{RCA_i + 1} \quad (2)$$

This index ranges from -1 to 1 and eliminates the biased distribution as well as the overestimation of sectors with a comparative advantage.

The new trade theory analyses the scale effect and intra-industry component of trade flows. It predicts that nature of scale economy affects specialization. In the case of internal economies of scale, the main implications of the factor proportions theorem do not change (Krugman 1987). In the presence of national external economies of scale, as shown by Wong (1995), trade patterns are determined by initial comparative advantage. According to Either (1982), external economy of scale reinforces specialisation.

Intra-industry trade as a result of scale effect constitutes a significant part of modern trade flows.

The most popular measure of the level of intra-industry trade is Grubel-Lloyd (GL) index (Grubel and Lloyd, 1975):

$$GL_i = 1 - \frac{|X_i - M_i|}{(X_i + M_i)} \quad (3)$$

where M_i – countries' imports of commodity group i ,

X_i – countries' exports of commodity group i .

This index ranges from zero to one and allows to analyse the level of intra-industry trade for commodity sectors, to aggregate them, and to make cross-country comparisons.

GL index is calculated over some particular period of time. To analyse trade dynamics, we have to compare different time periods. This comparative static approach, however, gives us little information about the dynamical changes in trade patterns. To overcome this problem, Brulhard (1994) proposed a measure of marginal intra-industry trade (MIIT):

$$MIIT_i = 1 - \frac{|\Delta_i X_i - \Delta_i M_i|}{|\Delta_i X_i| + |\Delta_i M_i|} \quad (4)$$

where $\Delta_t X_i = X_{ti} - X_{t-1,i}$

$$\Delta_t M_i = M_{ti} - M_{t-1,i}$$

MIIT index can be aggregated across industries as a weighted average:

$$\text{MIIT}_{\text{total}} = \sum_{i=1}^n \text{MIIT}_i * W_i \quad (5)$$

$$\text{Where } W_i = \frac{|\Delta_t X_i| + |\Delta_t M_i|}{\sum_{i=1}^n (|\Delta_t X_i| + |\Delta_t M_i|)} \quad (6)$$

The MIIT index, unlike the GL index, reveals the structure of change in trade flows. This index also ranges from 0 and 1.

Empirical results

Based on UNSTADE database we calculated the RSA index for Estonian trade flows for 2006-2020. We based our analysis of the data on the five-year averages in order to eliminate short-time fluctuations. The results of this calculation are submitted in Annex 1. The first conclusion is that in the aggregated level of commodity sectors the structure of comparative advantage in the considered time period did not undergo significant change.

Table 1. Descriptive statistics of RCA index distribution

	2006-2010	2011-2015	2016-2020
Mean	1.214113	1.115938	1.112879
Standard Error	0.239822	0.197538	0.193402
Median	1.07542	1.087851	1.111871
Standard Deviation	0.758385	0.624669	0.61159
Sample Variance	0.575148	0.390211	0.374042
Kurtosis	0.068956	-0.22556	2.296867
Skewness	0.789984	0.582434	0.931061
Range	2.35805	1.937624	2.274245
Minimum	0.15827	0.21513	0.199175
Maximum	2.51632	2.152754	2.47342
Sum	12.14113	11.15938	11.12879

Source: author's calculations

Table 1 displays the basic parameters of the descriptive statistics for RCA index.

As can be seen, the mean value is above 1, indicating that essential part of comparative advantage is concentrated in sectors with a high value of the RCA index. We can also notice predominancy of the average over the median in all time intervals, indicating that the distribution of comparative advantage is biased towards the right. As a result of this distribution, the sectors characterized by high values of the RCA index will be over-weighted. Thus, the evolution of the country's comparative advantage mainly depends on the evolution of its competitive sectors (Dalum et al. 2001). Over time, the value of the *average* decreases as the value of the *median* increases, indicating a more equal distribution of comparative advantage by sectors.

The steady decrease in the standard deviation and the mean suggests a decline in the level of specialization. The diversification of specialization over time is also confirmed by the increase in the median value.

The popular methodology for the analysis of the dynamic of comparative advantage is the Galtonian regression model. Thus, this approach was used in the analysis of specialization distribution by Dalum et al, (Dalum et al. 2001) and Ferto (Ferto 2007). As has been mentioned above, the RSA index is skewed towards the right, which makes it problematic to use it in the econometric analysis. To avoid these problems, in this analysis we used the RSCA index. The Galtonian approach estimates the linear model where the independent variable is the time-lagged value of a dependent variable. This allows us to estimate the level of mobility or convergence of the specialization structure over time:

$$RSCA_{t2} = \alpha + \beta RSCA_{t1} + \epsilon_j \tag{7}$$

where:

t_1 and t_2 are the first and last years of the analysis respectively

α and β are the linear regression coefficients

ϵ is the residual term

j is the number of sectors

The value of β indicates the dynamics of comparative advantage:

The value of β above one indicates an increase in specialization, which means that the country is specializing deeper in sectors in which it was initially specialized and decreasing its specialization in sectors with a low initial specialization. If β is in the range from zero to one, its specialization pattern has weakened. A special case is when β is less than zero, which points to a change in the sign of the RSCA index.

In Table 2, we presented the result of the Galtonian regression model based on Estonian RSCA index for the considered years.

Table 2. Galtonian regression of the RSCA index for 2006-2020 years

α	0.02
β	0.62
t-value	4.1***
Adj. R ²	0.66
F-statistics	16.6***

Source: author's calculations

The result is statistically significant and supports the previous conclusion concerning the diversification of the specialization structure.

The next step of the analysis is to calculate the dynamic index of the intra-industry trade MIIT. The results of that calculation are presented in the Annex 2. Using this index, we can analyse the dynamic of all components of trade flows. For this purpose, we used the methodology described in Bastos et al. (Bastos et al. 2007). Following this approach, we decomposed the marginal inter-industry trade (which is the different between one and MIIT) between two components: increasing of previous specialisation (IPS) and specialisation shift (SS):

$$INTER = \begin{cases} IPS & \text{if } \text{sing}(\Delta_t X_i - \Delta_t M_i) = \text{sign}(X_{i0} - M_{i0}) \\ SS & \text{if } \text{sing}(\Delta_t X_i - \Delta_t M_i) \neq \text{sign}(X_{i0} - M_{i0}) \end{cases} \tag{8}$$

Where X_{i0} export of sector i at the beginning of period t

M_{i0} import of sector i at the beginning of period t

As in the case of MIIT, we can aggregate these measures across economic sector to the country level as a weighted average:

$$IPS_{total} = \sum_{i=1}^n IPS_i * W_i \quad (9)$$

$$SS_{total} = \sum_{i=1}^n SS_i * W_i \quad (10)$$

In Table 3, the aggregated components of trade flows dynamic are presented. As with the RCA index, we analysed 5-year average indicators to eliminate short run fluctuations. For comparison, we also included data for 1996 – 2005 from our previous calculations (Fainstein 2015).

Table 3. Aggregated components of trade dynamic

Component	1996-2000	2001-2005	2006-2010	2011-2015	2016-2020
IPS	0,33	0,35	0.25	0.25	0.22
SS	0,23	0,24	0.2	0.13	0.32
MIIT	0,44	0,40	0.55	0.62	0.46

Source: author's calculations

We can see that the most important component in trade development is the share of intra-industry trade, both in the considered period and in the long term. The general tendency shows an increase of this share with the exception of the last five years. Specialisation shift shows the stable dynamic until 2010. In 2011-2015, IPS plays the dominant role in trade expansion of inter-industry component of trade flows; having said that, specialisation shift becomes dominant in the next five years. The main reasons for that are likely to be export demand shocks associated with the macroeconomic dynamics in the Euro Zone as well as the economic consequences of the Covid-19.

In Table 4, the calculated indicators are presented at the level of aggregated SITS commodity sectors.

Table 4. Components of trade dynamic by aggregated commodity sectors in Estonia

Sector	2006-2010			2011-2015			2016-2020		
	IPS	SS	MIIT	IPS	SS	MIIT	IPS	SS	MIIT
Food and live animals	0.04	0.14	0.81	0.18	0.07	0.75	0.20	0.51	0.29
Beverages and tobacco	0.17	0.06	0.77	0.30	0.01	0.69	0.27	0.28	0.45
Crude materials, inedible, except fuels	0.12	0.39	0.48	0.41	0.00	0.59	0.36	0.25	0.39
Mineral fuels, lubricants and related materials	0.32	0.20	0.48	0.04	0.21	0.76	0.09	0.11	0.80
Animal and vegetable oils, fats and waxes	0.14	0.23	0.63	0.26	0.27	0.46	0.35	0.56	0.09
Chemicals and related products, n.e.s.	0.21	0.07	0.72	0.42	0.11	0.47	0.32	0.04	0.65
Manufactured goods	0.33	0.04	0.62	0.37	0.18	0.45	0.23	0.10	0.66
Machinery and transport equipment	0.31	0.27	0.42	0.18	0.14	0.68	0.21	0.60	0.19
Miscellaneous manufactured articles	0.19	0.23	0.59	0.39	0.07	0.53	0.21	0.19	0.59

Source: author's calculations

For food and live animals, which are essential sectors of the Estonian export, we can observe the domination of intra-industry component in trade dynamic until 2016, and essential specialization shift in the last five years. The intra-industry component remains dominant in trade expansion in such leading Estonian export sections as manufactured goods and miscellaneous manufactured articles.

Overall, we can observe essential changes in trade dynamic in the last 5-year period. The dominant tendency has to do with the increasing role of specialization shift in trade expansion among the most important commodity groups (which are in possession of comparative advantage). In the analysis of the initial data of exports and imports we usually observe an absolute decrease in this period due to the macroeconomic shocks.

Conclusions

Based on the RCA index, we generally observe a stable specialization structure of Estonian exports in 2006-2011, along with some changes in specialization in the years following that. The level of specialization by commodity groups mostly decreases over time.

Based on the analysis of the RSA index and the Galtonian regression, we can make the conclusion about the diversification of the specialisation structure over time.

The most important component of trade expansion in Estonia within the considered time period is the intra-industry trade. In 2016-2020 there was a significant increase in the specialisation shift component in trade dynamic, which indicates the structural changes in Estonian exports.

The most essential structural changes during the last five years occurred in such commodity sectors as food and live animals, animal and vegetable oils, as well as machinery and transport equipment, which were caused by the increasing share of specialization shift.

Annex 1

RCA index for Estonian trade flows (5-year average)

Sector	2006-2010	2011-2015	2016-2020
Food and live animals	2.447	2.153	1.325
Beverages and tobacco	2.516	2.092	2.473
Crude materials, inedible, except fuels	0.987	0.812	1.308
Mineral fuels, lubricants and related materials	0.832	0.619	0.710
Animal and vegetable oils, fats and waxes	0.542	0.589	0.559
Chemicals and related products, n.e.s.	1.266	1.164	1.239
Manufactured goods	0.821	1.012	0.859
Machinery and transport equipment	1.408	1.302	1.332
Miscellaneous manufactured articles	0.158	0.215	0.199

Source: author's calculations

Annex 2

MIIT index for Estonian trade flows (5-year average)

Sector	2006-2010	2011-2015	2016-2020
Commodities total	0.54	0.62	0.46
Food and live animals	0.81	0.75	0.29
Beverages and tobacco	0.77	0.69	0.45
Crude materials, inedible, except fuels	0.48	0.59	0.39
Mineral fuels, lubricants and related materials	0.48	0.76	0.80
Animal and vegetable oils, fats and waxes	0.63	0.46	0.09
Chemicals and related products, n.e.s.	0.72	0.47	0.65
Manufactured goods	0.62	0.45	0.66
Machinery and transport equipment	0.42	0.68	0.19
Miscellaneous manufactured articles	0.59	0.53	0.59

Source: author's calculations

References

Balassa B. (1965) Trade Liberalization and Revealed Comparative Advantage. – The Manchester School of Economic and Social Studies. No 33. P. 99–123.

Bastos P., Cabral M. (2007) The Dynamics of International Trade Patterns. – Review of World Economics (Weltwirtschaftliches Archiv). Springer. Vol. 143 (3). October. P. 391– 415.

Brülhard M. (1994) Marginal Intra-Industry Trade: Measurement and Relevance for the Pattern of Industrial Adjustment. – Weltwirtschaftliches Archiv. Vol. 130. P. 600 – 613.

Dalum B, Laursen K, Villumsen G. (1998) Structural Change in OECD Export Specialisation Patterns: De-Specialisation and 'Stickiness'. – International Review of Applied Economics. No 12 (2) P. 423 – 443.

Either W. J. (1982) National and International Return to Scale in the Modern Theory of International World Trade. – American Economic Review. No 72. P. 389 – 405.

Grubel H.G., Lloyd P.J. (1975) Intra-Industry Trade. The Theory and Measurement of International Trade in Different Products. London.

Fainštein G., Matina E. (2015). Trade dynamics and adjustment costs in the Baltic States. – Economic Sciences. No 4 (125). P. 164 –169.

Ferto I. (2007) The Dynamics of Trade in Central and Eastern European Countries. – Managing Global Transitions, University of Primorska, Faculty of Management Koper. No 5 (1). P. 5 –23.

Krugman P. (1987) The Narrow Moving Band, the Dutch Disease, and the Competitive Consequences of Mrs. Thatcher: Notes on Trade in the Presence of Dynamic Scale Economies. – Journal of Development Economics. No 27 (1). P. 4 – 54.

Redding S. (2002) Specialization Dynamics. – Journal of International Economics. No 58 (1). P. 299 – 334.

Wong K. (1995) International Trade in Goods and Factor Mobility. MIT Press, Cambridge.

DOI <https://doi.org/10.30525/2592-8813-2021-1-2>

Никита Никифоров

ВНЕДРЕНИЯ БОЛОНСКИХ РЕШЕНИЙ: ОПЫТ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация

Статья посвящена 20 летнему опыту внедрения Болонских решений в систему высшего образования Латвийской республики. Дан краткий анализ реализации таких основных принципов Болонской системы как: 1) признание системы трех образовательных уровней; 2) мобильности студентов и академического персонала; 3) обеспечение качества высшего образования; 4) содействие необходимым европейским воззрениям в сфере высшего образования; 5) обучение в течение всей жизни; 6) повышение роли студентов в организации обучения; 7) автономия высших учебных заведений и академические свободы; 8) расширение европейской составляющей в национальной системе высшего образования; 9) единое европейское образовательное пространство.

Ключевые слова: образовательные уровни; система кредитов; академическая мобильность; обеспечение качества.

Nikita Nikiforov

IMPLEMENTATION OF BOLOGNA DECLARATION STANDARDS: THE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF LATVIA

Abstract

The article is concerned with 20 years' experience of implementation of Bologna Declaration standards in the higher education system of the Republic of Latvia. The article offers a concise analysis of such root principles of Bologna system as 1) acknowledging of three cycle system; 2) staff and students' mobility; 3) quality assurance of higher education; 4) promotion of the essential European attitudes in higher education; 5) life-long learning; 6) enhancement of the role of the students in organization of the study process; 7) autonomy for institution and academic freedom; 8) amplification of the European constituent in the national higher education system; 9) single European Higher Education Area (EHEA).

Key words: educational cycles, Credit Transfer System, academic mobility, quality assurance.

«Мы не должны забывать, что Европа – это не только евро, банки и экономика: она должна стать также и Европой знаний. Мы должны строить и усиливать интеллектуальную, культурную, социальную и техническую базу нашего континента. В большей степени это относится к университетам, которые продолжают играть переломную роль в таком развитии...»

Декларация о гармонизации европейской системы высшего образования Париж, Сорбонна, 25 мая 1998 года.

Введение

В 2019 году исполнилось 20 лет пребывания системы высшего образования Латвийской республики в Болонском процессе. Время подвести хотя бы краткие итоги.

Реформы высшего образования в странах Балтии начались еще до их вступления в Болонский процесс в 1999 году. Эти реформы в той или иной форме и степени коснулись

© Nikita Nikiforov,

Doctor of Political Science, Associate Professor (Baltic International Academy, Riga, Latvia)

большинства аспектов образовательного процесса и его среды, описанных в Болонской декларации. Применительно к системе высшего образования Латвийской республики наиболее полный анализ реформ высшего образования до вступления страны в Болонское движение был осуществлен Андреем Раухваргерсом, в то время Генеральным секретарем Совета ректоров Латвии (Rauhvargers 2003, 12. lpp.).

В настоящее время существует десять основных направлений Болонского процесса (официальное название «The Bologna process 10 Action Lines»). Первые шесть направлений были названы в Болонской декларации «Зона европейского высшего образования» 19 июня 1999 г. К этим направлениям относятся следующие: признание системы сопоставимых степеней (квалификаций) и периодов обучения; принятие системы двух образовательных уровней; внедрение системы кредитов ECTS; содействие росту мобильности студентов, академического и административного персонала; обеспечение качества высшего образования; содействие необходимым европейским воззрениям в высшем образовании. В Пражском коммюнике 2001 г. «К европейскому академическому пространству» министры образования 32 европейских стран дополнили список основных направлений, указав на «неизбежную перспективу обучения в течение всей жизни» и «высказали убежденность в том, что студенты должны участвовать в деятельности университетов и влиять на организацию и содержание обучения» (The European Higher Education Area ... 2005). В Берлинском коммюнике 2003 г. «Процесс создания европейского образовательного пространства» были сформулированы два дополнительных направления: «расширение европейской составляющей в национальных системах высшего образования» (National Report of the implementation ... 2006) и поддержка «сети докторской подготовки» при наличии взаимодействия между общеевропейским образовательным и исследовательскими пространствами.

Признание системы сопоставимых степеней и периодов обучения.

Введение приложений к диплому (Diploma Supplement)

После подписания Латвией Лиссабонской концепции в 1997 г. и ее ратификации в 1999 г. были внесены изменения в Закон о высших учебных заведениях (статьи 84 и 85) и в Закон об образовании (статья 11).

Литовская Республика присоединилась к Конвенции по признанию квалификаций высшего образования в Европейском регионе Совета Европы/ЮНЕСКО (в дальнейшем, Лиссабонской конвенции). Структуры уровней (ступеней) системы образования в Литве приведены в соответствии со шкалой ISCED ЮНЕСКО (1997 год). Лиссабонская конвенция была подписана 11 апреля 1997 года, ратифицирована 15 октября 1998 года.

В Эстонской Республике для принятия решения по признанию иностранных квалификаций в 1997 г. был основан Национальный Академический информационный центр признания, функционирующий как подразделение Фонда Архимеда, действующего как эстонский центр ENIC/NARIC. Центр оценивает иностранные квалификации, сравнивая их с квалификациями, полученными в Эстонии, и содействует вузам и работодателям в решении проблемы признания зарубежных дипломов.

Признание системы трех образовательных уровней: бакалавриат – магистратура – докторантура

В странах Балтии принятие Болонской системы трех образовательных уровней представляло собой переход от советской системы: «специалист – кандидат наук – доктор наук» к системе «бакалавр – магистр – доктор». В целом этот переход был осуществлен достаточно быстро и безболезненно. В Латвии двухуровневая система была полностью внедрена в профессиональном высшем образовании с 2001 г. за исключением, как и во многих других странах, программ обучения по медицине, стоматологии и фармации. В Эстонии в «Законе

об университетах», принятом Государственным собранием Эстонской Республики 12 января 1995 г., записано: «Уровни высшего образования (2). Академическое обучение имеет три уровня: цикл бакалавра, магистратура и докторантура» (статья 24). С 2000 г. трехуровневая система законодательно введена и в Литовской Республике, хотя фактически она действует с 1993 г. В настоящее время в Латвии, Литве и Эстонии институт докторантуры в полной мере сложился и успешно функционирует. Так, в 2008 году в Латвийской Республике было лицензировано более 90 докторских программ.

Введение системы кредитов ECTS (European Credit Transfer System)

В Латвии система кредитов (зачетных единиц) в полной мере действует с 1998 г. Она совместима с ECTS, но основана не на 60, а на 40 кредитах в учебном году. Литва также использует 40-кредитную систему зачетных единиц.

В Эстонской Республике успешно действует аналогичная Латвии и Литве национальная система кредитных единиц, и в ближайшей перспективе в этих странах планируется полный переход на Европейскую систему кредитов.

Содействие росту мобильности студентов и академического персонала

Росту мобильности студентов стран Балтии и мобильности студентов в страны Балтии способствуют такие проводимые вузами и поддерживаемые министерствами образования мероприятия, как растущее количество курсов на английском; разработка междисциплинарных курсов на английском языке для приезжающих иностранных студентов; хорошие условия проживания иностранных студентов; рост участия в международных студенческих выставках в пределах и вне Европы; поправки в законе относительно языка обучения, др. В странах Балтии систематическая академическая мобильность началась в связи с вспомогательной программой Европейского Союза «Tempus Share» и позже в результате реализации программы кооперации «Erasmus» Европейского Союза.

Обеспечение качества высшего образования

Латвийская система обеспечения качества высшего образования была создана в середине 1990-х годов. Первая аккредитация в Латвии состоялась в 1996 году. К концу 2002 года все программы обучения и вузы прошли процедуру аккредитации. Согласно принятым нормам, аккредитация действительна в течение шести лет (условная аккредитация – два года). В течение этого периода аккредитованные программы и вузы должны представлять годовые отчеты по самооценке. Литовская национальная система обеспечения качества высшего образования была заложена в 1995 году. Сегодня она в своей основе соответствует стандартам и руководящим принципам обеспечения качества в Европейском пространстве высшего образования. В Эстонии аккредитация программ осуществляется на семь лет (условная аккредитация – на три года). В течение 1997–2002 гг. был проведен первый раунд аккредитаций, в который было включено около 500 программ обучения. В странах Балтии в настоящее время действует внутренняя система обеспечения качества в форме ежегодных самооценок вузов, которые являются обязательной процедурой для всех государственных и негосударственных высших учебных заведений, и внешняя (экспертная) оценка качества, организуемая независимыми центрами оценки качества.

Представляется, что обеспечению качества высшего образования в последнее время мешают законодательные «метания» – переход от аккредитации программ к аккредитации направлений, а затем к планируемой аккредитации и того и другого. Определенные трудности, в первую очередь для негосударственных вузов, представляет и существенный рост стоимости лицензирования и аккредитации новых программ и направлений.

Содействие необходимым европейским воззрениям в высшем образовании

Латвийское правительство содействовало внедрению в национальную систему высшего образования таких важнейших Болонских приоритетов, как введение структуры двухциклических уровней; создание системы обеспечения качества с участием международных представителей и включая аккредитацию программ и институтов; полное введение системы кредитов для перевода и накопления; введение приложения к диплому, обязательно выдаваемого всем выпускникам на латышском и английском; разработка национальной программы по поддержке докторантуры и пост докторского исследования и национальной программы реализации стратегии обучения в течение всей жизни (National Report of the implementation ... 2006). Однако, поправки к закону о вузах, принятые Сеймом и провозглашенные Президентом Латвийской республики 21 августа 2018 года, запрещающие использование иностранных языков не только в государственных, но и частных вузах, вряд ли можно считать соответствующими европейским воззрениям.

Литовская национальная группа промоутеров Болонского процесса эффективно реализует идеи Болонского процесса в академическом обществе, организует национальные конференции по болонским проблемам, привлекая иностранных экспертов. Национальная группа промоутеров Болонского процесса и национальная Болонская рабочая группа тесно сотрудничают между собой. (Bologna process National Report ... 2006).

В Эстонской Республике существенное содействие европейским воззрениям в сфере высшего образования оказывается как на государственном уровне, так и на уровне высших учебных заведений: после 2003 года была разработана схема государственной поддержки мобильности студентов и академического персонала, а также стратегический документ об интернационализации образования и международная маркетинговая стратегия высшего образования Эстонии.

Обучение в течение всей жизни (lifelong learning)

В Латвийской Республике стратегия непрерывного образования включена в национальную программу по развитию непрерывного образования. Пока не существует национальных процедур по признанию предшествующего образования. Однако вузы могут оценивать завершение обучения вне системы высшего образования. Развитие методологии по признанию предшествующего обучения является задачей Латвийского центра ENIC/NARIC.

В Литовской Республике период обучения определяется самими вузами. Приказ министерства о процедурах по признанию периодов обучения определяет права институтов и обязанности в признании периода обучения, что одновременно дает доступ к обучению и позволяет переводить накопленные кредитные единицы.

К настоящему времени в значительно большей степени, чем в Латвии и Литве, концепция обучения в течение всей жизни проработана в Эстонской Республике, где она регулируется всеобъемлющим документом «Стратегия непрерывного обучения на 2005–2008 годы в Эстонии». Этот документ содержит не только принципы и потребности в непрерывном обучении, но и цели, меры и план действий.

Повышение роли студентов в организации, содержании и обеспечении качества обучения

Интересы студентов Латвии на государственном уровне представляет Латвийская ассоциация студентов, которая делегирует своих членов для участия в работе Совета по высшему образованию, Аккредитационной комиссии и национальной Болонской группе. На уровне вузов, согласно закону о высших учебных заведениях, представительство студентов (не менее 20%) обязательно в высших органах управления вузом – Академическом собрании и Сенате. Существенным является и участие студентов в обеспечении и контроле качества обучения. Кроме участия в работе Аккредитационной комиссии Министерства образования и науки,

студенты принимают участие в руководстве национальными агентствами обеспечения качества через представителей в сенатах вузов, которые являются учредителями агентств обеспечения качества и контролируют их работу. Представители студентов обязательно включаются в состав каждой экспертной группы, осуществляющей внешнюю оценку качества обучения в качестве наблюдателей или полноценных экспертов.

В Литовской Республике участие студентов в системе высшего образования регулируется законом «О высшем образовании». Согласно закону, минимум 10 процентов самоуправляющихся организаций вузов должны иметь в своем составе представителей из числа студентов. Представители студентов являются также членами надзирающего и консультативного органа – совета вуза/ Законодательством Эстонии предусмотрено обязательное участие студентов в совете университетов и других вузов, количество студентов как представителей советов не должно составлять менее одной пятой всех членов совета (Lifelong Learning Strategy 2005 – 2008 ... 2005).

Автономия высших учебных заведений и академические свободы

Круг вопросов, которые вузы Латвии и Литвы могут решать автономно (независимо от Правительств и других органов власти), приблизительно одинаков. Вузы стран Балтии имеют право: разрабатывать и принимать конституцию высшего учебного заведения; формировать личный состав высшего учебного заведения; определять содержание и формы учебных программ, правила приема, направления научно-исследовательской работы, организационно-управленческую структуру, ставки оплаты труда; осуществлять иные действия, не противоречащие законодательству и задачам деятельности высшего учебного заведения.

В Латвийской Республике автономия вузов регламентируется законом «О высших учебных заведениях», статья 4, принятом 17.11.1995 г., а в Литовской Республике – законом «О высшем образовании», статья 9 – Автономия высших школ, принятом 05.10.1995 г. Академические свободы весьма подробно описаны в законодательстве Латвийской Республики (закон «О высших учебных заведениях». Статья 6. Академическая свобода) применительно к свободе обучения, исследовательской работе, художественному творчеству и свободе обучающихся в выборе вуза, программы, периодов обучения и части учебных дисциплин (Augstskolu likums 2021).

В Литовском законодательстве (закон «О высшем образовании». Статья 9) академические свободы распространены на свободу выбора формы и направления обучения, присвоение академических степеней, профессиональных квалификаций и академических имен (Закон Литовской Республики ... 2021).

Государственные университеты в Эстонии являются независимыми. В добавление к организации академической жизни университета в компетенцию университета входит открытие новых учебных направлений, установление условий и сроков поступления, утверждение бюджета, структуры, плана развития, выборы ректора и принятие решений о пользовании имуществом.

Представляется покушением на автономию высших учебных заведений законодательное предписание языков преподавания.

Расширение европейской составляющей в национальных системах высшего образования

В Латвийской Республике не существует никаких правовых препятствий для разработки и реализации совместных с другими европейскими вузами программ обучения, выдачи двойных дипломов, признания степеней, периодов обучения и для реализации других европейских аспектов в национальной системе образования. Латвийские вузы принимают все большее участие в европейских мероприятиях, в деятельности Европейской ассоциации университетов, в том числе и как эксперты по проектам или европейские спикеры на конференциях вне Европы.

«Закон о высшем образовании Литовской Республики» (2000) и «Общие требования к совместным программам обучения» (2006) обеспечивают возможность вузов Литовской Республики реализовывать учебные программы совместно с иностранными вузами и устанавливать общие требования, присуждать совместные квалификационные степени и профессиональные квалификации. Резолюция правительства об утверждении плана действий литовской системы высшего образования на 2006 – 2010 год внедряет концепцию подготовки, оценки и регистрации совместных учебных программ, созданных литовскими вузами вместе с иностранными партнерами, и является предпосылкой для гарантии качества высшего образования в соответствии с потребностями обучения.

Эстонские вузы активно участвуют в образовательных и исследовательских программах Европейского Союза. Далеко не все вузы приняли стратегию интернационализации, но многие вузы считают необходимым повышать число иностранных студентов. Эстонские вузы также принимают участие в работе международных сетей: сеть университетов столиц Европейских стран (UNICA), Европейская ассоциация высших учебных заведений (EURASHE), региональные сети ректорских конференций, тематические сети при поддержке Европейской Комиссии и другие отдельные сети и ассоциации.

Единое европейское образовательное пространство

Новая стратегическая цель для Европейского Союза – «стать самой конкурентоспособной и динамичной экономикой в мире, основанной на знаниях». Болонская декларация является не просто политическим заявлением, а обязательством следовать определенному плану. Программа действия, изложенная в Декларации, основана на ясно определенной общей цели – создание европейского пространства высшего образования (European Higher Education Area), способствующего трудоустройству, мобильности граждан и росту конкурентоспособности европейского высшего образования.

Единое образовательное пространство стран Балтии

Определенный вклад в создание европейского пространства высшего образования путем заключения договоров о сотрудничестве в области образования министерствами Балтийских стран был внесен еще до прямого призыва к этому Европейских министров образования в Бергене. Однако, если первый договор о сотрудничестве Балтийских стран в области образования был подписан на уровне министерств (1990) без непосредственного влияния рекомендаций Европейского Союза, то спустя 15 лет этот договор обрел статус межправительственного и содержал прямые ссылки на Лиссабонскую конвенцию 1997 года, которая являлась для него прямым практическим регулятивом. Договор описывал области (статья 2) и формы сотрудничества (статья 3), а также взаимное признание эквивалентности документов об образовании. Так, статья 5 Договора гласит: «Договаривающиеся Стороны организуют изучение вопроса о взаимном признании эквивалентности аттестатов, дипломов, ученых степеней и знаний и с этой целью будут обмениваться документацией и проводить встречи экспертов». В 10-й статье Договора сказано: «Настоящий договор заключается сроком на три года. Если ни одна из Договаривающихся Сторон не заявит о прекращении Договора в указанные сроки, то он автоматически продлевается на следующие три года». (Договор между министерством народного образования Латвийской Республики, министерством образования и культуры Литовской Республики и министерством просвещения Эстонской Республики о сотрудничестве в области высшего образования.

В 2000 году в Кретинге был подписан правительственный договор между правительством Латвийской Республики, правительством Литовской Республики и правительством Эстонской Республики «О создании совместного пространства высшего образования в государствах

Балтии». Основной целью этого документа было развитие мобильности студентов и предоставление им одинаковых прав во всех трех странах. Спустя 5 лет этот документ был дополнен признанием квалификаций.

Сотрудничество стран Балтии продолжается до сих пор. Так, 08.06. 2018 министры образования и науки, Латвии, Литвы и Эстонии подписали договор, который позволит автоматически признавать квалификации высшего образования, выданные в трех странах. Таким образом, например, обладателю диплома латвийского вуза станет проще поступать в университеты Литвы и Эстонии. Подписание договора – вклад балтийских стран в создание общеевропейского пространства высшего образования. Подобное соглашение подписали и страны Бенилюкса. В конце мая во Франции было подписано Парижское коммюнике – министры образования европейских стран договорились о процессе завершения Болонского процесса – трехступенчатой системы высшего образования и общих принципов обеспечения качества высшего образования и применения системы признания квалификаций (Эстония, Латвия и Литва ... 2018)

Однако, существующее законодательство Латвии, Литвы и Эстонии практически не позволяет открытие филиалов вузов одной из этих стран в других, что не способствует конкурентоспособности и росту качества высшего образования в Балтийских странах.

Более полно Болонские регулятивы и опыт международного сотрудничества вузов на глобальном, региональном и локальном уровнях изложены в публикации «The Main Directions Of International Co-Operation In The Sphere Of Higher Education» (Nikiforov, Nikiforov 2011).

Выводы

Подводя итоги анализа достижений стран Балтии по внедрению Болонских принципов и решений в национальные системы высшего образования, представляется обоснованным отметить следующее. Введение системы трех образовательных уровней (бакалавриат – магистратура – докторантура), европейских приложений к диплому, признание системы сопоставимых степеней и периодов обучения успешно реализовано всеми вузами Латвии, Литвы и Эстонии. Существенная работа проведена по созданию системы обеспечения и контроля качества высшего образования. Созданы механизмы обязательного участия студентов в деятельности вузов, в организации и содержании обучения и оценке его качества. Резко возрасла и почти достигла средневропейского уровня мобильность студентов, преподавателей и административного персонала вузов. Введены и действуют национальные системы оценки объемов учебной работы в кредитах. Осуществляется работа по переходу национальных систем кредитов в европейскую систему кредитов ECTS.

Об очевидности прогресса Болонского процесса в Латвии говорила 14 мая 2015 года министр образования и науки Латвии Марите Сейле в ходе Министерского саммита Европейского пространства высшего образования (ЕПВО) и Четвертого форума Болонской политики в Ереване.

За 20 лет, прошедших со времени подписания Болонской декларации, стало ясно, что стратегические цели, поставленные перед европейским высшим образованием в 1999 году, для своего достижения потребуют значительно больше времени и усилий, чем это предполагалось вначале. Политические, экономические, культурные и образовательные цели Болонского процесса достичь много сложнее, чем гармонизировать архитектуру высшего образования в Европе. Для этого надо найти механизмы согласования интересов всех заинтересованных социальных групп: политиков, бизнесменов, ученых, преподавателей, студентов, профсоюзов, неправительственных организаций и др. Главным уроком этих 19 лет участия Латвии в Болонском процессе стало то, что путей решения поставленных проблем достаточно много, и что реформа образования ради строительства новой Европы, Европы знания, – это общее дело всего общества разумных людей.

Библиография

- Augstskolu likums. (2021) <https://likumi.lv/ta/id/37967-augstskolu-likums>
- Bologna process National Report 2005–2007. Lithuania. (2006) www.dcsf.gov.uk
- Education and Culture. Lifelong Learning: Education and Training policies. Coordination of Lifelong Learning Policies. (2005) Brussels.
- Estonian lifelong learning strategy for the years 2005–2008. – Implementing the «Education and Training 2010» Work Programme: 2005 Progress Report. Estonia. European Commission.
- National Report of the implementation of the Bologna process in Latvia (2006) http://www.aic.lv/bologna/2005_07/Nat_reps/LATVIA_nationalreport.pdf
- Никифоров Н. В. (2011) Болонские реформы в Латвии, Литве и Эстонии: экономические и правотворческие аспекты. Сравнительный анализ. Рига.
- Nikiforov N., Nikiforov V. (2011) The Main Directions Of International Co-Operation In The Sphere Of Higher Education. – *Ekonomia. Economics*. No 4 (16). Wroclaw. pp. 446-457.
- Rauhvargers A. (2003) Latvija Bolonas procesā. Rīga.
- The European Higher Education Area – Achieving the Goals. Communique of the Conference of European Ministers Responsible for Higher Education. (2005) Bergen. http://ehea.info/Upload/document/ministerial_declarations/2005_Bergen_Communique_english_580520.pdf
- Закон Литовской Республики «О высшем образовании». (2021) www.lrs.lt.

References

- Bologna process National Report 2005–2007. Lithuania. (2006) www.dcsf.gov.uk
- Education and Culture. Lifelong Learning: Education and Training policies. Coordination of Lifelong Learning Policies. (2005) Brussels.
- Estonian lifelong learning strategy for the years 2005–2008. – Implementing the «Education and Training 2010» Work Programme: 2005 Progress Report. Estonia. European Commission.
- Law of the Republic of Lithuania "On Higher Education". (2021) www.lrs.lt.
- Law of universities. (2021) <https://likumi.lv/ta/id/37967-augstskolu-likums>
- National Report of the implementation of the Bologna process in Latvia (2006) http://www.aic.lv/bologna/2005_07/Nat_reps/LATVIA_nationalreport.pdf
- Nikiforov N. V. (2011) Bologna reforms in Latvia, Lithuania and Estonia: economic and law-making aspects. Comparative analysis. Riga.

Nikiforov N., Nikiforov V. (2011) The Main Directions Of International Co-Operation In The Sphere Of Higher Education. – *Ekonomia. Economics*. No 4 (16). Wroclaw. pp. 446-457.

Rauhvargers A. (2003) Latvia in the Bolonas process. Riga.

The European Higher Education Area – Achieving the Goals. Communique of the Conference of European Ministers Responsible for Higher Education. (2005) Bergen. http://eha.info/Upload/document/ministerial_declarations/2005_Bergen_Communique_english_580520.pdf

DOI <https://doi.org/10.30525/2592-8813-2021-1-3>

Александр Байков

КАТЕГОРИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ ЧАСТНОГО ПРАВА

Duo sunt instrumenta ad omnes res aut confirmandas aut impugnandas, – ratio et autoritas.

(Имеются два средства подтверждения или опровержения всех вещей – разум и авторитет)

Рациональность как фундаментальная характеристика
человеческой деятельности есть культурная ценность.

В. Н. Порус

Аннотация

В статье анализируются одинаково важные как для философии, так и для права проблемы рациональности, ее роль и значение в правовом регулировании. Актуальность исследования определяется отсутствием четких критериев, определяющих природу и характер рациональности названных, разнообразием понимания ее содержания, роли и значения в процессе правового регулирования. Цель исследования заключается в установлении природы, взаимосвязи и взаимообусловленности рациональности и разумности частного права. В этой связи в работе использовались системно-логический, формально-догматический, функциональный, сравнительно-правовой методы исследования. В работе обращается внимание на содержательные различия рациональности и разумности, которые и сегодня нередко отождествляются, отмечается очевидная взаимосвязь, разумности, справедливости и добросовестности и одновременно подчеркивается их самостоятельность, синонимичность понятий разумности, выделяются критерии рациональности и критерии разумности, подчеркивается несводимость разумности к правомерности, выделяются присущие разумности признаки, каковыми являются целесообразность и правомерность.

Разумность представляет собой не только субъективную категорию, но и, прежде всего, объективно выраженное в позитивном праве требование, обращенное ко всем участникам регулируемых правом общественных отношений, т.е. категорию объективную. В свою очередь определенность права выражается как его разумность. В работе прослеживается проявление категории разумности в международно-правовых актах и нормативно-правовых актах ряда национальных правовых порядков

Ключевые слова: рациональность, разумность, целесообразность, добросовестность, справедливость, правомерность.

Alexander Baykov

RATIONALITY CATEGORY OF PRIVATE LAW

Abstract

The article analyzes equally important both for philosophy and law issues of rationality, considers the categories of reasonableness of private law, their role and significance in the legal regulation. The relevance of the study is determined by the lack of clear criteria for determining the nature

© Александр Байков

Dr. iur. доцент (Резекненская Технологическая Академия, Резекне, Латвия)

and character of these categories, by the diversity of understanding of their content, role and significance in the process of legal regulation. The purpose of the study is to establish the nature, interconnection and interdependence of rationality, reasonableness of private law, show how they differ from close-by categories of justice, fairness, legality and appropriateness. In this regard, the study used system-logical, formal-dogmatic, functional, comparative-legal research methods. The study draws attention to the essential differences between rationality and reasonableness, which today are often identified, specifies clear relationship of reasonableness, justice and fairness, and at the same time emphasizes their autonomy, synonymy of rationality, meanings underlines the criteria of rationality and reasonableness, emphasizes the irreducibility of reasonableness to the legitimacy, highlights the signs inherent to reasonableness, which are appropriateness and legitimacy.

Reasonableness is not only a subjective category, but also, above all, is a requirement objectively expressed in positive law, addressed to all the participants regulated by the law of public relations, i.e., an objective category. In its turn, certainty of the law is expressed as its reasonableness. The study traces the manifestation of reasonableness category in the international legal acts and normative legal acts of a number of national legal orders.

Key words: rationality, reasonableness, appropriateness, justice, fairness, legitimacy.

Не секрет, что современное право переживает кризис идентичности, по существу являющийся следствием постоянной рационализации права. Он возник и развивается под непроходящим влиянием позитивизма науки, который усиливается действием двух факторов: (1) легитимацией права в привязке к авторитету власти; (2) все более настойчивым использованием в праве логики. В итоге право все более и более превращается в закрытую, косную, не способную к адаптации и дальнейшему развитию систему. В свою очередь открытая неравновесная система находится в состоянии постоянного движения, изменений, что, в конце концов, ведет к ее упорядочению.

В последние годы в правовой науке все настойчивее звучит критика рациональности при понимании права (Честнов 2002, с. 44 – 56; Мальцев 2011). Серьезное влияние рациональность права испытывает со стороны разного рода постмодернистских и иррациональных подходов восприятия и интерпретации права, что, конечно же, порождает сомнения относительно классической рациональности. В этой связи необходимо обращение к исследованию проблем рациональности и иррациональности права, его разумности в правовом регулировании, а равно пониманию рациональности мнения по поводу выхода за пределы научной рациональности, которая связывается с логически замкнутыми системами (Честнов 2007).

Природа рациональности, ее роль и значение в человеческой деятельности является одной из актуальных проблем, исследуемых, как в философской, так и юридической литературе. Немецкий философ В. Циммерли замечает, что «...основная и ключевая проблема, вокруг которой движется континентально-европейская философия наших дней, – это проблема рациональности и ее границ» (Хьюбнер 1994, с. 327).

Рациональность, начиная с эпохи Просвещения, очевидно, становится системообразующим элементом культуры в целом. По существу, проблема рациональности выступает в качестве принципа культуры, а также способа отношения человека к окружающему миру, предполагающего нацеленность и успешность соответствующего действия, поскольку в качестве обязательного условия рационального отношения к миру, рациональной деятельности выступает осознание актором анализа его положения в той социальной реальности, в которой он находится.

Вместе с тем абсолютизировать лишь рациональную сторону было бы неверно. Еще Г.В.Ф. Гегель справедливо писал: «...то, что мы называем рациональным, принадлежит на самом деле области рассудка, а то, что мы называем иррациональным, есть скорее начало и след разумности...» (Гегель 1974, с. 416 – 417). В этой связи следует заметить, что термин «рациональ-

ность» происходит от латинского слова «ratio» – «разум», а производный от него «рационализм» «rationalis» – означает «разумный». Связь рационального и разумного несомненна. «Разумное, рациональное имеет исторический характер, развивается вместе с человеческой практикой и свидетельствует о степени овладения человеком явлениями объективной реальности, способности человека управлять процессами» (Копнин 1973, с. 122). Вместе с тем следует заметить, что отождествление понятий «рациональность» и «разум», произошедшее под влиянием античной, по своей сути логоцентрической традиции, несмотря на их тесную взаимосвязь, не означает отрицания их самостоятельности, а в этой связи отсутствие необходимости исследований не только рациональности, но и разумности, а посему определенности права и упорядоченности человеческого бытия, сохранение устоявшегося социального порядка. В конечном счете, именно в этом состоит общечеловеческая, социокультурная ценность права.

Поскольку в правовой реальности человек утрачивает свои индивидуальные черты и становится социальной, правовой абстракцией, а еще точнее – правовым существом, сама правовая реальность предстает как система координат естественного и искусственного, постольку возрастает роль и значение исследований соотношения естественного и искусственного, меры значения права в обществе.

Проблема рациональности в философском мышлении занимала еще древних греков. Достаточно выпукло эта проблема была заявлена уже Парменидом и элеатами: истинное знание может дать лишь разум, и если чувства противоречат ему, то это от того, что они лгут. Чувства говорят нам о подвижности, текучести бытия, в то время как разум, наоборот, заставляет признать его неизменность, неделимость и т. д. В качестве иллюстрации возникающего в этой связи противоречия можно сослаться на апории Зенона.

Наиболее емкое и сравнительно полное определение «рационального» принадлежит Н. Мудрагей: «Рациональное – это логически обоснованное, теоретически осознанное, систематизированное универсальное знание предмета ... это в гносеологическом плане. В онтологии – предмет, явление, действие, в основе которого лежит закон, формообразование, правило, порядок, целесообразность» (Мудрагей 1996, с. 73).

Для сторонников теории экономического анализа права «...рациональность есть способность и склонность к использованию инструментальных рассуждений для достижения успеха в жизни» (Познер 2004, с. 21).

В. С. Стёпин, выделяет три исторически сменяющих друг друга типа рациональности: (1) классическую, которой присущ такой характер отношений субъекта и объекта, который элиминирует субъекта познания и знания, (2) неклассическую, признающую влияние субъекта на объект посредством способов и методов познания; (3) постнеклассическую, для которой субъект – объектное отношение представляет собой обоюдное воздействие, в результате которого меняется как субъект, так и объект. В отличие от классической и неклассической рациональности постнеклассическая рациональность не только принимает во внимание связь знаний об объекте со средствами его получения, но и соотносит сами внутринаучные цели «... с вненаучными, социальными ценностями и целями» (Стёпин 1999, с. 633 – 634). Он отмечает: «В разную историческую эпоху по-разному понимались природа научного знания, процедуры его обоснования и стандарты доказательности. Но то, что научное знание отлично от мнения, что оно должно быть обосновано и доказано, что наука не может ограничиваться непосредственными констатациями явлений, а должна раскрыть их сущность, – все эти нормативные требования выполнялись и в античной, и в средневековой науке, и в науке нашего времени» (Стёпин, Горохов, Розов 1995, с. 214). В рациональности есть как неизменное содержание, так и содержание изменяющееся. Для В. С. Стёпина неизменным является субъект – объектное отношение, меняется же характер этого отношения. При этом одним из определяющих проявлений постклассического миропонимания является принцип стохастичности,

неопределенности, характерный, с точки зрения теории вероятностей, для всех развивающихся во времени процессов, ограничивающий возможности человеческого разума по описанию, объяснению и преобразованию социального мира, а в этой связи вызывающий неуверенность в настоящем, а тем более в будущем. Современность, как писал З. Бауман – это «...состояние перманентной и повсеместной неопределенности...», это совокупный опыт неуверенности человека в его положении, в правах и доступности средств к существованию, неопределенности относительно преимущества и будущей стабильности, отсутствия безопасности для физического тела человека, личности и их продолжений – имущества, социального окружения, сообщества» (Бауман 2005, с. 151, 194).

Рациональное отношение к миру обязательно предполагает нацеленность на эффективность, на успешность действия, так что обязательным условием рациональной деятельности и рационального отношения к миру выступает специальное усилие сознания по анализу позиций самого субъекта, по отношению к той реальной ситуации, в которой он, собственно говоря, и находится. При этом постнеклассическая рациональность связана с адекватным пониманием проблемной ситуации, в которой находится субъект действия в результате сознательного управления собственным поведением. Такая рациональность предполагает два обязательных условия: (1) рефлексивный самоконтроль и (2) учет требований реальности. Собственная ответственность и рефлексивный самоконтроль определяют свободу субъекта действия, которая противостоит субъективной зависимости от внешних сил.

Рациональность предполагает альтернативность поведения, возможность выбора вариативных способов действия. В зависимости от того, какие слои ментальных предпосылок деятельности и в какой степени становятся предметом рефлексивного контроля в процессе их объективирующего моделирования, устанавливаются различные уровни и степени рационализации деятельности.

Присущая рациональности свобода выбора реализуется в поисках оптимального способа достижения определенных целей, причем степени рациональности зависят от характера и масштаба выбранных в данной парадигме целей, видов деятельности, ориентиров, моделей поведения и т. д. В современной литературе на первый план выходит идея открытой рациональности, основа которой заключается в осознанной готовности к постоянному совершенствованию основания мироориентации человека как свободного субъекта, контролирующего свои позиции по отношению к окружающему его миру.

Рациональность характеризует самые разные виды деятельности. На уровне обыденного сознания нередко утверждается рациональность мира, природы. Вместе с тем понятно, что рациональным или иррациональным может быть не окружающий человека мир, а лишь его деятельность. Как в свое время совершенно справедливо отмечал П. В. Копнин «...понятие рационального и иррационального надо непосредственно выводить не из природы, а из человеческой практики» (Копнин 1968, с. 119). Многообразие видов человеческой деятельности определяется различными критериями рациональности. Например, для М. Вебера она означает расчетливость, установку на прибыльность, для К. Поппера открытость для критики, а для С. Тулмина – это логическое обоснование этических норм или процедур научного исследования. Вместе с тем, проблема рациональности по-прежнему далека от своего решения. При этом нужно иметь в виду, что любого рода человеческая деятельность, политические и социальные институты, включая право, не может быть исключительно рациональной. Это своеобразный симбиоз рационального и иррационального. По мнению Э. Фромма «...власть может быть либо «рациональной», либо «иррациональной. Рациональная власть основана на компетентности; такая власть способствует росту человека, который на нее опирается. Иррациональная власть зиждется на силе и служит для эксплуатации того, кто ей подчиняется» (Фромм 1986, с. 66). Понятно, что столь резкое противопоставление вряд ли оправдано. Посему подразделение власти на рациональную и ирраци-

ональную носит более, чем условный характер. Для права цитируемый подход важен тем, что он нацеливает на поиск и исследование не только рационального, но и иррационального в праве.

Нельзя также не учитывать, что если для естественных и технических наук, хотя и известными оговорками, методология рационализма органична и плодотворна, то в сферах политики, культуры и права, где иррациональное не менее ощутимо и значимо, дело обстоит иначе. Как сказал один из великих мыслителей «...я никогда не сделал бы своих открытий в процессе рационального мышления».

Теория классической рациональности, органично присущая классической картине мира, понимающая мир как «большую машину» (Мальцев 2011; Честнов 2002, с. 15, 44 – 56), в той мере, в какой она воспроизводится и сегодня, неизменно использовала и использует механистические образы, что в правоведении поныне выражается в использовании терминов: «механизм правового регулирования», «юридический механизм» и т.д. Конечно, рассуждая в прагматическом контексте, образ четко действующего механизма как идеальной модели правового регулирования, функционирования правовой жизни не может оставить равнодушным. Понятно стремление авторов схематизировать реальность, в т.ч. правовую, уложить ее в прокрустово ложе заранее заданных схем, но при этом упускается из виду, что общество не механистично и право, как сложная динамическая система, по существу вырастающая в социальную среду, при известных условиях способно к самонастройке и саморазвитию (Мальцев 2011, с. 64). Своеобразная доминанта механистической картины мира – это выражение духа своего времени. Заняв место бога, наука содействовала созданию культуры, ориентированной на технические решения, точные знания, на машину как таковую (Стёпин 2012, с. 66). Следствием господства механистических взглядов стало провозглашение правоведения в качестве науки основанной на точных знаниях, а в этой связи господство нормативизма (юридического позитивизма).

Иначе дело обстоит в постклассической (постнеклассической) карте мира, определяющей содержание и сущность социальных институтов, включая право, современного, постиндустриального, информационного общества, характерной чертой которого является понимание происходящих в нем процессов и явлений как сложных саморазвивающихся систем, для которых характерен процесс постоянного развития, переход от одного вида саморегуляции, выступающей в качестве устойчивого состояния, к другому виду. «В современной науке он описывается в рамках динамики неравновесных систем и синергетики» (Стёпин 2012, с. 13). Важно подчеркнуть, что классическая рациональность заменяется на коммуникативную.

Из ранее упоминавшегося принципа неопределенности неизбежно вытекает неисчерпаемость любого социального явления или процесса, невозможность его единственно верного описания, объяснения; релятивности – как относительности к господствующим социальным представлениям;

В конечном счете, анализ природы рациональности опирается на теорию рационального выбора, именуемой также теориями общественного выбора, коллективного выбора, социального выбора, теорией игр, моделированием рационального действия, позитивной политической экономией, экономическим подходом в эмпирических исследованиях политики и общества. По существу, эти теории ничто иное, как социологические направления исследований социальной реальности. В одном из энциклопедических словарей теория рационального выбора рассматривается как «формальный и дескриптивный подход к рассмотрению и объяснению социальной жизни в современном социально-научном знании, согласно которому социальная жизнь поддается объяснению с точки зрения актов «рационального выбора» действующих субъектов... Теория рационального выбора придерживается позиций методологического индивидуализма и пытается объяснить результаты социального взаимодействия решениями, принимаемыми рационально действующими субъектами. Общим ...является инструментальная концепция

индивидуальной рациональности, посредством которой индивиды максимизируют свою ожидаемую пользу формально предсказуемым образом. Широкое использование теории рационального выбора в исследованиях, проводимых в области социальных и политических наук, можно рассматривать как своеобразную «интервенцию» модели *homo oeconomicus* в эти дисциплины... Принадлежит к числу дескриптивных подходов в социальном теоретизировании, теория рационального выбора пытается исходить из строгих теоретических моделей и объяснять человеческое поведение на основе относительно небольшого числа теоретических предположений относительно «рациональности человеческого поведения». Эти положения, как правило, касаются максимизации пользы, последовательности рационального действия, принятия решений в ситуации неопределенности, главенствующей роли принципа методологического индивидуализма при объяснении результатов коллективного действия, а также неизменности структуры вкусов и предпочтений действующих лиц» (Хеффе, Малахов, Филатов 2009, с. 173). Предтечей теории рационального выбора является неонституционализм (Нуреев 2005, с. 19).

К рациональности апеллируют и право, и логика, отождествляя ее с созданием формальных моделей. Если для логики основным является подчиненность рационального действия универсальным законам мышления, то для права свойственно подчинение поведения людей относительным правовым установлениям. Другими словами, рациональность права – это лишь свойство, которое или присуще, или не присуще того или иного рода деятельности, осуществляемой в соответствии с требованиями правовых норм. Любого рода деятельность, в т.ч. и в сфере права носит целевой характер, означающей, что субъект права проявляет активность, стремясь достичь какой-то цели, а в этой связи, действуя разумно, выбирает предусмотренные законом средства и способы ее достижения. Сказанное означает, что само понятие рациональности применимо к таким параметрам деятельности как цель и собственно действие. При этом рациональность целей любых видов человеческой деятельности, в т.ч. и в сфере регулируемых правом отношений, прежде всего, задается общечеловеческими целями, которые в данной сфере корректируются и уточняются целями действия, соответствующих правовых норм. Что касается рационализации соответствующих действий, то, как отмечается в философской литературе, она определяется через обеспечение практической реализации следующих параметров, составляющих ее действий, в числе которых: (1) законосообразность; (2) целенаправленность; (3) целесообразность; (4) результативность (Никифоров 2008, с. 11, 187). По мнению В.Е. Никифорова законосообразность представляет собой соответствие действий объективным закономерностям; целенаправленность предстает как направленность действия на достижение цели деятельности, в т.ч. и в случаях изменения ее программы; целесообразность выражается в соответствии действия субъекта независимо от изменения внешних условий ее осуществления; результативность рассматривается как полезность действия для достижения цели деятельности без учета как потерь, так и того положительного эффекта, которые до начала осуществления действий предвидеть было невозможно (Никифоров 2008, с. 187).

Все многообразие критериев рациональности выражается в нормах, эталонах, идеалах соответствующих видов деятельности. В этом смысле правовая норма, предполагающая достижение той или иной цели, выступает в качестве идеальной модели, включающей в себя не только цель, но и конкретную жизненную ситуацию, предусмотренную в законодательстве в качестве простого или сложного юридического факта (фактического состава), а точнее правовой модели фактических обстоятельств, закрепленных в гипотезе правовой нормы. Свое завершение активность субъекта находит в правовом результате, который, как ни странно это прозвучит, далеко не всегда находится в одной плоскости, совпадает с целью. При этом понятно, что даже если поставленная цель в силу тех или иных причин не достигнута, какой-то результат, в т.ч. правовой – наступит. В этой связи, деятельность, осуществлявшаяся в соответствии с требованиями правовых норм, будет рациональна при условии достижения соответствующей

щей цели. Соответственно, правовые нормы, как имплицативные умозаключения, обеспечивающие такого рода деятельность, по определению рациональны, поскольку они обеспечивают достижение определенной цели, конечно, в определенных условиях, при наступлении определенной ситуации, т. е. при наличии соответствующих юридических фактов.

Правоведение, равно как и философия, должно быть рациональным, что, однако, не отрицает его иррациональных оснований. А. Шопенгауэр отмечал, что философия, подобно маятнику, колеблется между рационализмом и иллюминизмом (иррационализмом). Первый основан на разуме, второй – на внутреннем просветлении, высшем сознании. Таким образом, начало философии – иррационально, но сама философия неизбежно заключена во внешнюю форму рационализма, так как ни в какой другой форме она попросту невозможна. «Отвлеченно, общо и отчетливо воспроизвести в понятиях всю сущность мира и как отраженный снимок показать ее разуму в устойчивых и всегда наличных понятиях – вот это и не что иное есть философия» (Шопенгауэр 1900, с. 98) и, конечно, право.

Известный российский юрист и социолог Б. А. Кистяковский считал наиболее распространенной формой рационального понятие. Он полагал, что, так как право включает в себя объективные и рациональные нормы, оно по сути своей является рациональным.

Суть рационалистической методологии, в которой ведущую роль играет анализ, а синтез носит подчиненный характер, в конечном счете, сводится к стремлению, руководствуясь принципом редукционизма, сложные явления в процессе их познания разделить на элементарные, простые части, а в этой связи найти одномерную связь причины и следствия. В этой связи в политической науке, в правоведении рационалисты стремятся к максимально возможному упрощению, примитивизации социальных отношений, к пониманию людей как абстракций. Но как отмечал Ф. А. фон Хайек рационалистическая методология, если она используется в целях организации экономической, социальной и политической жизни, заводит общество в тупик. Достаточно хорошо известен пример из античной философии.

Человеку не столько дана та социальная реальность, в которой он живет, функционирует, сколько он творит ее сам в соответствии со своими представлениями и интересами. Поэтому процесс преобразования и создания подлинной социальной действительности, соответствующей идеалам развития каждого человека, является делом рациональным, ибо рациональная мысль занята не только реконструкцией, но и реорганизацией, перестройкой (Рассел 1993, с. 160). В то же время в основе рациональности лежит разумность. Как отмечал Г. В. Ф. Гегель разум, принятый как понятие субъективного духа, есть знание (Гегель 1956, с. 228 – 231) и, следовательно, понимание чего-либо означает субъективное знание объективного. Соответственно, в правовой реальности, в отношениях с правовой материей человек, так или иначе, подвергает ее, включая нормы позитивного и объективного права, субъективного права в конкретном правоотношении оценке своего разума: то ли обыденного, то ли теоретического и др. с позиций соответствия права истинности, справедливости, социальному равенству, добросовестности, в конечном счете, гуманизму. Другими словами, применительно к пониманию права последнее выражается как субъективное знание права как объективного явления. Вместе с тем переоценка рациональности в социальной практике, в человеческом поведении вряд ли оправдана.

Вместе с тем в реальной действительности особенно, когда речь идет о еще не завершенной деятельности, осуществляемой не в виде одномоментного акта, а более или менее продолжительное время, обычно используется вторичное понятие рациональности. В этом случае рациональность чаще всего истолковывают как «разумность», как соответствие некоторым законам разума, стандартам и нормам «разумной» деятельности. Если деятельность соответствует этим законам и правилам, она оценивается как рациональная; если же субъектом (актором) нарушены какие-то нормы, его деятельность нерациональна. Вот эти законы, нормы, правила и образуют стандарт рациональности, лежащий в основе наших рациональных оценок,

позволяющий вынести суждение о рациональности или нерациональности деятельности еще до того, как она завершится: соответствует стандарту – рациональна; не соответствует – не рациональна. Рациональность как соответствие цели можно, вслед за М. Вебером, назвать «целерациональностью»; рациональность как соответствие некоторым нормам и правилам будем называть «логико-методологической» рациональностью (Никифоров 1995, с. 239 – 240).

При обсуждении проблемы рациональности мы, естественно, сталкиваемся с полисемией (многозначностью) этого понятия. С одной стороны, рациональность рассматривается в качестве методологического инструмента анализа, с другой, она выступает и как предмет анализа. Третий аспект проблемы состоит в том, что рациональность выступает в качестве ценности. Эти три разных определения и контекста рассмотрения проблемы влекут за собой как минимум три понимания, три основных смысла рациональности: (1) онтологическая, гегелевская рациональность: весь мир разумен (все действительно разумно, все разумное действительно), и человек разумен, так как он является определенным этапом развития мира, Мирового Разума. По Г.В.Ф. Гегелю рационален мир, и мышление человека, благодаря чему мы способны познавать мир достоверным образом; (2) гносеологическая, декартово-кантовская рациональность, утверждающая разумность мышления, согласно которой мир может быть каким угодно, мы точно не знаем, мы его рационально упорядочиваем, создаем рациональный образ мира разумом. И. Кант утверждал, что именно наше мышление упорядочивает мир рациональным образом, а о мире достоверно ничего неизвестно; (3) целерациональная, веберовская рациональность, согласно которой не мир и не мышление рациональны, рациональна только деятельность человека. При этом следует заметить, что М. Вебер имел в виду социальную деятельность, преследующую определенную цель. Попутно заметим, что понятие рациональности вышло на передний план, по выражению М. Хоркхаймера, в эпоху «помрачения разума». И вот для того, чтобы спасти «сухой остаток», сохранившийся после далеко зашедшей позитивистской секуляризации «Разума», М. Вебер и предлагает «ценностно нейтральное» понятие рациональности (Давыдов 1996, с. 71) и, соответственно, рационального как логически обоснованного, осознанного, выражающего логическую связь цели и средств (Вебер 1990, с. 602 – 643; Паретто 2008; Труфанов 2011). Ю. Хабермас ввел в веберовскую рациональность новый смысл: коммуникативная рациональность. По его мнению, целью рациональной деятельности является такая, благодаря которой тебя понимали бы другие, то есть понимание другими людьми, которую определяют в современной литературе как рациональность социальную, характеризуемую как «...любой рефлексивный акт (или его результат) индивидуального или группового субъекта социального действия, осуществляемый с помощью вербальных средств коммуникации» (Труфанов 2011).

По мнению Ю. Хабермаса основным недостатком классической философии эпохи модерна является монологичность (субъектно-объектная направленность) ее исследовательской парадигмы. В этой связи он предложил диалогичный (другими словами не субъектно-объектный, а интересубъектный) познания в процессе социальной коммуникации, соориентированной на достижение консенсуса, выражающийся в многовекторном диалоге, который ведется «...с помощью аргументов, позволяющих выявить общезначимое нормативное в высказываниях...» (Слоян 2008, с. 98) и расцениваемый им, с одной стороны, как процесс познания, а с другой – как процесс формирования познаваемой социальной реальности.

В конечном счете Ю. Хабермас рассматривал коммуникативную рациональность как «... символически транслируемую интеракцию. Она осуществляется в соответствии с обязательно принимаемыми нормами, которые определяют взаимные поведенческие ожидания, а также понимаются и признаются по крайней мере двумя действующими субъектами... В то время как состоятельность технических правил и стратегий зависит от состоятельности эмпирически истинных или аналитически правильных высказываний, значение социальных норм основано

лишь на интерсубъективном согласии по поводу интенций и гарантировано общим признанием своих обязательств» (Касавин, Порус 2009, с. 9). Другими словами, коммуникативная рациональность описывается признанными и принятыми на основе согласия нормами. Общая картина коммуникации для Ю. Хабермаса выглядит следующим образом: субъект стремится интенционально связать себя с другими, на основе, в рамках социальных норм, оказывая тем самым на других интенциональное влияние. Указанные правила, по существу, и есть коммуникативная рациональность. Важно подчеркнуть, что рациональность в понимании Ю. Хабермаса имеет процедурный, а не сущностный характер, согласно которому значимость нормы задается неизменным абстрактным, сущностным признаком, каковым, например, в либертаторной концепции права В.С. Нерсесянца является формальное равенство.

Вместе с тем, хотя Ю. Хабермас отрицательно относится к наличию априорной идеи или принципа, определяющего сущность решения, принятого в результате коммуникативного консенсуса, очевидно, его стремление в процедуре социального взаимодействия реализовать идею свободы, которая в этом случае неизбежно выражается в формальном равенстве участников этой процедуры. В конечном счете, именно трансцендентальный (субстанциональный) принцип формального равенства стоит за сформулированным им основополагающим процедурным принципом дискурсивной этики, в соответствии с которым «...та или иная норма лишь в том случае может претендовать на значимость, если все, до кого она имеет касательство, как участники практического дискурса достигают (или могли достичь) согласия в том, что эта норма имеет силу» (Хабермас 2000, с. 104). В коммуникативном дискурсе Ю. Хабермаса, утверждающего, что «...коммуникация, в которой был бы реставрирован ее политический характер, – вот единственная среда, в которой возможно то, что заслуживает имени рациональность...» (Марков 2000, с. 297), достаточно явно прослеживается гегелевская концепция единства права и государства.

Говоря о рациональной коммуникации, обычно имеют в виду либо ограничения коммуникационных процессов, накладываемых нашими представлениями о том, что же на самом деле рациональность. Но эти представления могут быть различны. Соответственно, принимая одни условия, коммуникации признаются рациональными, при условии их подчиненности определенным критериям, разумность которых не оспаривается и признается актерами изначально. А исходя из других представлений рациональными будут коммуникации, обеспечивающие достижение целей, выступающих как ценности, общие для всех участников коммуникации, в свою очередь, критерии рациональности отнесены к целям деятельности и могут меняться в случаях перехода от одной коммуникации к другой.

Таким образом, понятия «коммуникативная рациональность» и «рациональная коммуникация» далеко не одно и то же. Однако их противопоставление бессмысленно и контрпродуктивно. Представляется, что именно этой подход целесообразен и рационален.

Решение проблемы рациональности права в определенной мере зависит от типа правопонимания, под которыми подразумевают «философско-юридические концепции, содержащие исходные мировоззренческие принципы объяснения права как самостоятельного социального явления» (Шагиева 2011, с. 227): либо узкое (нормативное (нормативно-материалистическое)), либо широкое, представленные рядом теорий (Байтин 2005, с. 46). В этой связи следует заметить, что в научной литературе высказано мнение о наличии трех основных подходов к пониманию к праву. В частности, В. С. Нерсесянец полагал, таковыми являются: (1) сформировавшийся еще в 30-х годах XX века нормативный подход; (2) широкий подход, сторонники которого, начиная с середины 50-х годов XX века предлагали в содержание права помимо норм права включать правоотношения (С. Ф. Кечекьян, А. А. Пионтковский, А. К. Стальгевич и др.), правоотношения и правосознание (Я. Ф. Миколенко), субъективные права Л. С. Явич и др.) (2) подход, предложенный в 60-е годы XX века, «...представители которого обосновывают

такое понимание (и понятие), которое исходит из концепции различения права и закона» (Нерсесянц 1983, с. 37, 351 – 356).

При узком (нормативном) понимании права, по существу отождествляющим его с законом, достаточно сложно рассуждать о рациональности и иррациональности права. Так М. И. Байтин следующим образом определяет право: «Право – это система общеобязательных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер, издаются или санкционируются государством и охраняются от возможных нарушений возможностью государственного принуждения; являются властно-официальным регулятором общественных отношений» (Байтин 2001, с. 81 – 82). Соответственно, при условии широкого понимания, когда, говоря словами Г. В. Мальцева, в XXI веке право «...будет основано на интеграции общественного и естественнонаучного знания, на существенном переосмыслении привычных для нас представлений о связях общества, природы, космоса, биологического и социального, материального и духовного, рационального и иррационального» (Мальцев 1999, с. 408). Другими словами, в правовом регулировании сочетаются рациональные и иррациональные начала. Говорить о рациональности в чистом виде, по-видимому, допустимо говорить лишь относительно позитивного права (законодательства).

Говоря о коммуникативной рациональности, нельзя не отметить значения своеобразного контроля разумности, которая, несмотря на оказываемое на акторов давление со стороны идеалов, ценностей, норм рационального поведения, предопределяемых соответствующим типом культуры, нередко встречающих неприятие, сопротивление с их со стороны, в той или иной мере содействует ограничению произвола и иррационализма. Вместе с тем было бы неверно переоценивать роль разумности в человеческом поведении. Как отмечал Б. Спиноза «...люди скорее следуют руководству слепого желания, чем разума» (Спиноза 1957, с. 291). В том же ключе рассуждал и Д. Юм, говоривший, что «...разум есть и должен быть лишь рабом аффектов» (Юм 1965, с. 556).

Попытки сформулировать понятие разумности, предпринятые философами, специалистами практически всех отраслей права, имеют долгую, хотя и безуспешную историю. В. М. Лебедев в этой связи отмечал: «Для того, чтобы решить дело на основе разумности, нужно этот смысл, разумность раскрыть, иначе никому не будет ясно, на каком основании принято решение» (Лебедев 2000, с. 199). Это тем более важно поскольку, наряду со свободой, справедливостью, целесообразностью, определенностью, разумность является одним из общечеловеческих измерений права. Тем не менее, как отмечал В. Садурский «...до сих пор не было предпринято каких-либо серьезных попыток привести виды разумности к общему знаменателю... Существующая ситуация в какой-то степени объяснима разграничениями между дисциплинами теории права и политической философии и неспособностью или нежеланием специалистов в каждой из этих областей вторгаться на чужую территорию» (Садурский 2008, с. 21).

Категория разумности как общеправовая категория проявляет себя не только во всех отраслях национального права, но и в международном праве. Так ст.1 Всеобщей декларации прав человека, принятой на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) 10 декабря 1948 года предусматривает, что «...все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» (Всеобщая декларация ... 2021).

В толковых словарях «разумность» рассматривается как производное от прилагательного «разумный», означающего одаренный разумом, рассудительный, толковый, здравомыслящий. Несколько иначе раскрывается смысл этого слова С. И. Ожеговым и Н. Ю. Шведовой, которыми допускается три его значения: (1) обладающий разумом; (2) толковый рассудительный; (3) логичный, основанный на разуме, целесообразный. Другими словами, разумным является лицо, обладающее разумом.

Говоря о разумности, конечно, нельзя не упомянуть о достаточно глубоких исторических основаниях ее использования в социально-нормативном регулировании. Так в обеих редакциях «Домостроя» приводится следующее положение: «Плетью же в наказание острожно бить, и разумно, и больно, и страшно, и здорово, но лишь за большую вину и под сердитую руку за великое и за страшное ослушание и нерадение» (Колесов 1990, с. 245).

В общем (объективном) смысле разумность понимается как познавательная способность людей, обуславливающая целесообразный характер их действий и масштаб оценки поведения субъектов. В гражданском праве разумность понимается либо как один из принципов, либо как одна из гражданско-правовых обязанностей (Виниченко 2003), либо как оценочное понятие, либо как правовая презумпция. В литературе принцип разумности, как отраслевой принцип, нередко предстает растворенным в принципе справедливости (Иванова 2005, с. 120). По мнению В. Белова обобщающим по отношению к принципу разумности является принцип добросовестности (Белов 1998, с. 50). Учитывая разноречивый характер мнений относительно правовой природы категории «разумность» Л. В. Борисова, обобщая высказанные в юридической литературе мнения, заключает: «Одни авторы утверждают, что разумность является законодательным требованием, другие воздерживаются от ее правовой оценки и ограничиваются упоминанием в рамках какого-либо вопроса, третьи рассматривают разумность как принцип права» (Борисова 2008, с. 22 – 23).

Признавая очевидную взаимосвязь добросовестности, справедливости и разумности, необходимо отметить их самостоятельное, автономное функционирование. Категория «разумность» характеризуется определенными критериями. Прежде всего, отметим, что разумное мышление опирается на рациональную форму познания. Что означает эта форма? И. Кант считал, что «познание разумом может относиться к своему предмету двояко, а именно: либо просто определять этот предмет и его понятие (которое должно быть дано другим путем), либо осуществлять его. Первое означает теоретическое, а второе – практическое познание разумом» (Кант 1964, с. 82).

В своей практической деятельности такие основные формы познания, как рациональное (логическое), иррациональное (чувственное) и эмпирическое (опытное) существуют в неразрывном единстве. Определение и осуществление той или иной практической деятельности реализуется посредством рациональной формы мышления, опирающейся на основные логические законы. Вместе с тем принципу разумности соответствует и иррациональная форма познания, которая исходя из теоретического допущения о том, что в праве его субъект реализует свою свободу, основана исключительно на индивидуальных свойствах субъекта.

Рациональность, наряду с истиной, объективностью и др. – одна из основных категорий классической философии. По мнению сторонников одной из постклассических теорий права, а именно антрополого-диалогической теории права, классическая рациональность заменяется постклассической, например, коммуникативной (Касавин, Порус 2009; Огурцов, Розин 2009; Никифоров 2008). Более того, И. Л. Честнов приходит к выводу о наличии оснований сомневаться в рациональности права (Честнов 2012, с. 607).

Для доказательства рациональности права необходимо показать, что оно соответствует разуму, олицетворяет собой разумное начало, что оно создается и функционирует в соответствии с законами разума, сознательно. Сторонник рациональности права Б. А. Кистяковский утверждал, что право – это логика понятия, созданного разумом (Кистяковский 1999, с. 202). По его мнению, проблема рационального и иррационального в праве решается в (1) логическом (понятие и воля); (2) техническом (целесообразное и нецелесообразное); (3) этическом (доброе и злое); (4) философско-историческом (осмысленное и бессмысленное) планах (Кистяковский 1999, с. 220). При этом понятие полагалось им в качестве наиболее распространенной формы рационального. Соответственно, право рационально, поскольку состоит из объективных и рациональных норм. Однако реальное воплощение позитивного права (законода-

тельных норм) в практической жизни, т.е. в правоотношениях, а далее в субъективных правах и юридических обязанностях – нормах права являются и субъективными, и иррациональными. Дело в том, что в правосознании юриста (профессиональном правосознании) правовые нормы «...оказываются связанными главным образом не с интеллектом, а с волей» из чего следует, что «...сущность этих волевых движений, порождаемых правовыми нормами в сознании, безусловно, иррациональна. Она коренится в темных подсознательных глубинах нашей души» (Кистьяковский 1999, с. 219 – 220).

Следует отметить, что иррациональность права связана с тем, что она имеет дело с единичными, конкретными фактами. Именно об этом писал С. А. Муромцев: «Существенная задача судьи состоит в индивидуализировании права. Если закон выражается общими правилами, то дело судьи в каждом случае придать такому общему правилу свой особый смысл, соответствующий с условиями случая» (Муромцев 1893, с. 12). Нельзя также пройти мимо того факта, что процесс формирования специальных, даже основополагающих правовых понятий, таких как «право», «правовое регулирование», «механизм правового регулирования», «цель в праве», «функция права», «правовое средство» и др. еще далек от завершения, а содержание этих абстракций остается дискуссионным.

Как отмечал Е. В. Булыгин, видение права с точки зрения логики и, прежде всего, сформулированной фон Вригтом деонтической логики, позволяет увидеть скрытую в праве рациональность (Антонов 2014, с. 204). В свою очередь К. Каркова, акцентируя внимание на недостатках позитивизма (в частности на самореферентности юридического языка и создаваемых юристами конструкций) и других направлений философии права, которые пренебрегают реалиями социальной действительности и предпочитают описывать право не через жизненный мир человека, а через абстрактные понятийные схемы, ценности и принципы, полагает, что только коммуникативное взаимодействие является первичной реальностью права, которая наполняется символами, знаками, значениями и раскрывается через них, но при этом исключительно через них не может быть объяснена.

По мнению Р. Виго рациональность права возможна только в контексте философии практического разума. Такое объяснение в истории правовой мысли принимало четыре формы, позволяющие по-разному рассматривать проблему прав человека, которая опирается на тот или иной моральный дискурс, формирующий практическую рациональность, наполняющую позитивное право материальным содержанием: (1) рационалистический юснатурализм, исходящий из познаваемости истинных и очевидных принципов права и из возможности выведения из этих принципов для конкретных случаев необходимых следствий; (2) теологический юснатурализм (Фома Аквинский), также исходящий из познаваемости абсолютных принципов, но не рассматривающий выводимые следствия как необходимые; (3) слабый аргументативизм (Х. Перельман), утверждавший, что принципы права являются не истинными, а лишь «правдоподобными», а выводимые из них следствия не являются необходимыми; (4) сильный аргументативизм (А. Аарнио, А. Печение), констатирующий, что принципы права носят лишь правдоподобный характер, но выводимые следствия являются необходимыми (Антонов 2014, с. 205).

Вместе с тем, рационально-логический метод, опирается на линейную причинность, для которой характерны: (1) последовательность во времени; (2) соподчиненность в одном пространстве; (3) дискуссионность; (4) энергетическое и информационное взаимодействие; (5) сопутствующие условия, по-прежнему остается ведущим в правоведении.

В заключение представляется уместным привести слова Г.В.Ф. Гегеля: «В праве человек должен найти свой разум, должен, следовательно, рассматривать разумность права, и этим занимается наша наука в отличие от позитивной юриспруденции, которая часто имеет дело с противоречиями» (Гегель 1990, с. 57 – 58).

Библиография

- Антонов М. В. (2014) Рациональность в праве. – Право. Журнал Высшей школы экономики. № 3. С. 198 – 208.
- Байтин М. И. (2005) Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. Москва: ООО ИД «Право и государство».
- Бауман З. (2005) Индивидуализированное общество. Москва: Логос.
- Белов В. (1998) Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права. – Законодательство. № 8. С. 49 – 52.
- Борисова Л. В. (2008) Принцип разумности в российском гражданском процессе. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право.
- Вебер М. (1990) Основные социологические понятия. – Избранные произведения. Москва: Прогресс. С. 602 – 643.
- Виниченко Ю. В. (2003) Разумность в гражданском праве Российской Федерации. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Санкт-Петербург: МВД России Санкт-Петербургский университет. [http://lawtheses.com/razumnost-v-grazhdan skom -prave-rossiyskoy-federacii](http://lawtheses.com/razumnost-v-grazhdan-skom-prave-rossiyskoy-federacii)
- Всеобщая декларация прав человека. (2021) [https://www.un.org/ru/ documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml)
- Гегель Г.В.Ф. (1974) Наука логики. Энциклопедия философских наук. В 3-х т. Т. 1. Москва: Издательство «Мысль».
- Гегель Г. В. Ф. (1956) Философия духа. – Сочинения. Т. III. Ч. 3. Москва: Государственное издательство политической литературы.
- Гегель Г. В. Ф. (1990) Философия права. Москва: Мысль.
- Давыдов Ю. Н. (1996) М. Вебер и проблема интерпретации рациональности. – Вопросы социологии. Выпуск 6. С.71 – 77.
- Иванова С. А. (2005) Некоторые проблемы реализации принципа социальной справедливости, разумности и добросовестности в гражданском праве. – Законодательство и экономика. № 4. С. 43 – 46.
- Кант И. (1964) Критика чистого разума. – Сочинения. Т. 3. Москва: Издательство «Мысль».
- Касавин И. Т., Порус В. Н. (2009) Введение. – И.Т. Касавин, В.Н. Порус (ред.) Коммуникативная рациональность. Эпистемологический подход. Москва: ИФ РАН.
- Касавин И. Т., Порус В. Н. (ред.) (2009) Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. Москва: ИФ РАН.
- Кистяковский Б. А. (1999) Философия и социология права / Сост., примеч., указ. В. В. Сапова. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института.

- Колесов В. В. (сост.) (1990) Домострой. Москва: Советская Россия.
- Копнин П. В. (1973) Диалектика как логика и теория познания. Опыт логико-гносеологического исследования. Москва: Издательство «Наука».
- Копнин П. В. (1968) О рациональном и иррациональном. – Вопросы философии. № 5. С. 112 – 121.
- Лебедев В. М. (2000) Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. Москва: Российская академия правосудия.
- Мальцев Г. В. (1999) Понимание права. Подходы и проблемы. Москва: Прометей.
- Мальцев Г. В. (2011) Социальные основания права. Москва: Норма: ИНФРА-М,
- Марков Б.В. (2000) Мораль и разум. – Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Санкт-Петербург: Наука.
- Мудрагей Н. С. (1996) Рациональное – иррациональное: взаимодействие и противостояние. – Исторические типы рациональности. Т.1. Москва: ИФРАН. С.71– 87.
- Муромцев С. (1893) Право и справедливость. Сборник правоведения и общественных знаний. Труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, и его статистического отделения. Т. 2. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича.
- Нерсесянц В. С. (1983) Право и закон. Из истории правовых учений. Москва: «Наука».
- Никифоров А. Л. (1995) Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности. – В. А. Лекторский (ред.) Исторические типы рациональности. Т.1. Москва: ИФ РАН. С. 282 – 298.
- Никифоров А. Л. (ред.) (2008) Понятие истины в социогуманитарном познании. Москва: ИФ РАН.
- Никифоров В. (2008) Избранные работы разных лет. Рига: SIA JUMI.
- Нуреев Р. М. (2005) Теория общественного выбора. Курс лекций: учеб. пособие для вузов. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Огурцов А. П., Розин В. М. (ред.) (2009) Наука: от методологии к онтологии Москва: ИФ РАН.
- Паретто В. (2008) Компендиум по общей социологии. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Познер Р. А. (2004) Экономический анализ права. Т.1. Санкт-Петербург: Экономическая школа.
- Рассел Б. (1993) Воля к сомнению. – П. С. Гуревич (сост.) Феномен человека: Антология. Москва: Высшая школа. С.160 –167.
- Садурский В. (2008) «Разумность» и плюрализм ценностей в праве и политике. – Сравнительное конституционное обозрение. № 4 (65). С. 21 – 36.

Слоян Г. Г. (2008) Правосудие как коммуникативный дискурс справедливости. – Философия права в России. Теоретические принципы и нравственные основания. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. гос. ун.-та. С. 95 – 104.

Спиноза Б. (1957) Политический трактат. – Избранные произведения. Т. 2. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 285 – 382.

Стёпин В. С. (2012) Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция. – А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский (ред.) Рациональность и ее границы: Материалы международной научной конференции «Рациональность и ее границы» в рамках заседания Международного института философии в Москве (15 – 18 сентября 2011г.) Москва: ИФРАН.

Стёпин В. С. (1999) Теоретическое знание. Москва: Прогресс – Традиция.

Стёпин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. (1995) Философия науки и техники. Учебное пособие. Москва: Контакт – Альфа.

Труфанов Д. О. (2011) Проблема социальной рациональности в теории солидарности Э. Дюркгейма. Постнеклассический (универсумный) подход. – Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер.7. № 3 (15). С. 28 – 36.

Фромм Э. (1986) Иметь или быть? Москва: Прогресс.

Хабермас Ю. (2000) Моральное сознание и коммуникативное действие. Санкт-Петербург: Наука.

Хеффе О., Малахов В. С., Филатов В.Т. (ред.) (2009) Современная западная философия. Энциклопедический словарь Москва: Культурная революция.

Хюбнер К. (1994) Критика научного разума. Москва: ИФ РАН.

Честнов И. Л. (2007) Постклассическая методология в юриспруденции. – Н.И. Матузов, А. В. Малько (ред.) Современные методы исследования в правоведении. Саратов: СЮИ МВД России.

Честнов И. Л. (2012) Постклассическая теория права. Монография. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Алеф-Пресс».

Честнов И. Л. (2002) Правопонимание в эпоху постмодерна. – Правоведение. № 2. С. 44 – 56.

Шагиева Р. В. (ред.) (2011) Актуальные проблемы теории государства и права. Москва: Норма: ИНФРА-М.

Шопенгауэр А. (1900) Мир как воля и представление. – Полн. собр. соч. Т. 1. Москва: И. Н. Кушнарев и К.

Юм Д. (1965) Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам. – Сочинения. Т. 1. Москва: Мысль.

References

- Antonov M. V. (2014) Rationality in law. Law. Journal of the Higher School of Economics. No 3. Pp. 198 – 208.
- Bauman Z. (2005) Individualized society. Moscow: Logos.
- Baytin M. I. (2001) Essence of law. Saratov: Saratov State Academy of Law.
- Bayitin M. I. (2005) Essence of law modern normative legal understanding on the verge of two centuries. Moscow: LLC PH «Law and state».
- Belov V. (1998) Conscientiousness, reasonableness, justice as principles of civil law. – Legislation. No. 8. Pp. 49-52.
- Borisova L. V. (2008) The principle of reasonableness in Russian civil process: textbook for universities. Moscow: UNITY-DANA: Legal act and law.
- Chestnov I. L. (2002) Law understanding in the postmodern era. – Pravovedenie. No. 2. Pp. 44-56.
- Chestnov I. L. (2007) Postclassical methodology in jurisprudence. – Modern research methods in jurisprudence / ed. by N. I. Matuzova and A.V. Malko. Saratov: Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federation.
- Chestnov I. L. (2012) Postclassical theory of law. Monograph. Saint-Petersburg: “Alef-Press” Publishing House.
- Davydov Y. N. (1996) M. Weber and the problem of interpretation of rationality. – Questions of sociology. Edition 6. Pp. 71-77.
- Fromm E. (1986) To Have or to be? Moscow: Progress.
- Habermas J. (2000) Moral consciousness and communicative action. Saint-Petersburg: Science.
- Heffe O., V.S. Malakhov V.S., Filatova V.T. (eds.) (2009) Modern Western philosophy. Encyclopedic dictionary. Moscow: Cultural revolution.
- Hegel G. F. V. (1974) Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 1. The science of logic. Moscow: Publishing House "Mysl".
- Hegel G. V. F. (1990) Philosophy of law. Moscow: Mysl'.
- Hegel G. V. F. (1956) Philosophy of the spirit. Vol. III. Part 3. Moscow: State publishing house of political literature.
- Hume D. (1965) Treatise on human nature, or an attempt to apply an experience-based method of reasoning to moral subjects. – Essays. Vol. 1. Moscow: Thought.
- Hübner K. (1994) Critique of scientific reason / ed. by V. N. Porus. Moscow: Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences.

- Ivanova S. A. (2005) Some problems of implementation of the principle of social justice, reasonableness and conscientiousness in civil law. – Legislation and Economics. No. 4. Pp. 43-46.
- Kant I. (1964) Critique of pure reason. – Essays. Vol. 3. Moscow: Mysl' Publishing House.
- Kasavin I.T., Porus V. N. (eds.) (2009) Communicative rationality. The epistemological approach. Moscow: IF RAN.
- Kasavin I.T., Porus V. N. (2009) Introduction. – I.T. Kasavin, V.N. Porus (eds.) Communicative rationality. The epistemological approach. Moscow: IF RAN.
- Kistyakovskiy B. A. (1999) Philosophy and sociology of law. Saint-Petersburg: Publishing house of the Russian Christian humanitarian Institute.
- Kolesov B.V. (ed.) (1990) Domostroy. Moscow: Soviet Russia.
- Kopnin P.V. (1973) Dialectics as logic and theory of knowledge. Experience of logical-epistemological research. Moscow: Nauka Publishing House.
- Kopnin P.V. (1968) On the rational and irrational. – Questions of philosophy. No. 5. P. 112-121.
- Lebedev V. M. (2000) Formation and development of the judicial power in Russian Federation. Moscow: Russian Academy of Justice.
- Maltsev G.V. (2011) Social foundations of law. – Moscow: Norma: INFRA-M.
- Maltsev G. V. (1999) Understanding of law. Approaches and problems. Moscow: Prometheus.
- Markov B. V. (2000) Morals and reason. – Afterword to the book: Habermas J. Moral consciousness and communicative action. Moscow: Nauka.
- Mudragey N.S. (1996) Rational-irrational: interaction and opposition. – Historical types of rationality. Moscow: IF RAN. Pp. 71-87.
- Muromtsev S. (1893) Law and justice. – Collection of jurisprudence and public knowledge. The Law Society, which is affiliated with the Imperial Moscow University. Saint-Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich.
- Nersesyants V. S. (1983) Law and legal act. From the history of legal doctrines. Moscow: «Nauka».
- Nikiforov A. L. (ed.) (2008) The concept of truth in socio-humanitarian knowledge. Moscow: IF RAN.
- Nikiforov A. L. (1995) The ratio of rationality and freedom in human activity. – V. A. Lektorsky (ed.) Historical types of rationality. Vol. 1. Moscow: IF RAN. Pp. 282-298.
- Nikiforov V. (2008) Selected works of different years. Riga: SIA "JUMI".
- Nureyev R. M. (2005) Theory of public choice. Course of lectures: studies. The textbook for high schools. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics.

- Ogurtsov A. P., Rozin V. M. (eds.) (2009) Science: from methodology to ontology. Moscow: IF RAN.
- Pareto V. (2008) Compendium of general sociology. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics.
- Pozner R. A. (2004) Economic analysis of law. Vol. 1. Saint-Petersburg: Economic school.
- Russell B. (1993) Will to doubt. – P S. Gurevich (ed.) Phenomenon of man: an anthology. Moscow: Higher school. Pp. 160-167.
- Sadursky V. (2008) "Reasonableness" and pluralism of values in law and politics. – Comparative constitutional review. No. 4 (65) Pp. 21-36.
- Schopenhauer A. (1900) World as will and representation. – Full collections of essays. Vol. I. Moscow.
- Shagiyeva R.V. (ed.) (2011) Actual problems of the theory of state and law: textbook. Moscow: Norma: INFRA-M.
- Sloyan G. G. (2008) Justice as a communicative discourse of justice. – Philosophy of law in Russia. Theoretical principles and moral grounds. Saint-Petersburg: Publishing house of SPSU. Pp.95-104.
- Stepin V. S. (2012) Scientific rationality in technogenic culture: types and historical evolution. – A.A. Guseynov, V.A. Lektorsky (eds.)Rationality and its borders: Materials of the international scientific conference "Rationality and its borders" within the meeting of the International Institute of philosophy in Moscow (September 15-18, 2011). Moscow: IF RAN.
- Spinoza B. (1957) Political treatise. – Selected works. Vol. 2. Moscow: State publishing house of political literature. P. 285 – 382.
- Stepin V.S. (1999) Theoretical knowledge. Moscow: Progress-Tradition.
- Stepin V.S., Gorokhov V. G., Rozov M. A. (1995) Philosophy of science and technology: textbook. Moscow: Kontakt-Alfa.
- Trufanov D. O. (2011) Problem of social rationality in E. Durkheim's theory of solidarity. Post-non- classical (universal) approach. – Bulletin of the Volgograd state University. Ser.7. No. 3 (15). Pp. 28-36.
- Universal Declaration of Human Rights. (2021) http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
- Vinichenko Y. V. (2003) Reasonableness in the civil law of the Russian Federation. Abstract of dissertation. PhD in law. Saint-Petersburg: Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg University. <http://lawtheses.com/razumnost-v-grazhdanskom-prave-rossiyskoy-federacii>
- Weber M. (1990) Basic sociological concepts. – Selected works. Moscow: Progress. Pp. 602 – 643.

DOI <https://doi.org/10.30525/2592-8813-2021-1-4>

Natalja Pašina, Edgars Golts

IZVAIRĪŠANĀS NO NODOKĻU NOMAKSAS N NOZIEDZĪGI IEGŪTU LĪDZEKĻU LEGALIZĒŠANA KĀ NOZIEDZĪGU NODARĪJUMU KOPIĒBA

Anotācija

Raksts ir autoru kopdarbības projekts pēc līdzautorei sekmīgas maģistra darba aizstāvēšanas, papildinot pētījumu ar jaunām atziņām. Pamatojoties uz Eiropas Padomes noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijas un terorisma finansēšanas novēršanas ekspertu komitejas “MoneyVal” novērtējumu[1,1], Latvija saskārās un joprojām saskaras ar paaugstināta noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijas un terorisma finansēšanas riskiem. Lai šos riskus mazinātu, valstī tiek veikti dažādi pasākumi, tai skaitā, veicot grozījumus normatīvajos aktos un tieši Krimināllikumā un Noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijas un terorisma un proliferācijas finansēšanas novēršanas likumā. Izvairīšanās no nodokļu nomaksas ir Krimināllikuma 218.pantā noteikts predikatīvs nodarījums, izdarot kuru var iegūt līdzekļus un tos legalizēt, tādējādi izdarot Krimināllikumā 195.pantā noteikto noziedzīgu nodarījumu – Noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšana. Ņemot vērā, ka nodokļu iekasēšana nodrošina ieņēmumus valsts budžetā, nodokļu nemaksāšanas riski ir uzskatāmi par būtisku valsts un sabiedrības interešu aizskārumu. Sekas no nodokļu nemaksāšanas skar visu sabiedrību, kuras interesēs ir sagaidīt, ka valsts budžets saņem visus tam pienākošos maksājumus. Aizsargājot valsts budžetu un sabiedrības labklājību, likumdevējs noteica kriminālatbildību par noziedzīgiem nodarījumiem nodokļu jomā. Papildus darbā ir izteikts viedoklis par problemātiku krimināltiesībā saistībā ar virtuālās valūtas konfiscēšanu, kā arī ar nodokļu nemaksāšanas riskiem, identificētas problēmas, nepilnības un piedāvāti to risinājumi. Pētījumā izmantotas dažādas zinātniskās metodes, tai skaitā, analītiskā metode – lai izpētītu un izvērtētu tādu noziedzīgu nodarījumu kā izvairīšanās no nodokļu nomaksas un noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšana, kā arī šo noziedzīgu nodarījumu kopības tiesisko regulējumu, salīdzinošā metode – lai salīdzinātu un izvērtētu dažādu autoru atziņas un viedokļus krimināltiesību nozarē saistībā ar noziedzīgiem nodarījumiem nodokļu jomā, kā arī ar noziedzīgu nodarījumu kopības jēdziena izpratni.

Atslēgas vārdi: nodokļi, izvairīšanās no nodokļu nomaksas, legalizēšana, noziedzīgu nodarījumu kopība.

Natalja Pašina, Edgars Golts

TAX EVASION AND MONEY LAUNDERING AS A SET OF CRIMINAL OFFENCES

Abstract

Article is the author's cooperation project after the coauthor's successful master's defence, by supplementing the study with new knowledge. Based on the assessment of the “MONEYVAL” Committee

© Natalja Pašina

Mg. iur., guest lecturer of the Baltic International Academy

© Edgars Golts

Mg. iur., Deputy of the PhD of Science (Dr. iur.cand.), guest lecturer (Baltic International Academy and of Business University Turība, Riga, Latvia)

on the Prevention of Money Laundering and Terrorism Financing of the Council of Europe, Latvia faces and continues to face the risks of money laundering and terrorist financing. In order to alleviate these risks, various measures are being taken in the State, including by making amendments to the laws and regulations and directly in the Criminal Law and the Law on the Prevention of Money Laundering and Terrorism and Prohibition Financing. Tax evasion is a predicative offence laid down in article 218 of the Criminal Law, committing and legalizing funds, thus committing a criminal offence in article 195 of the Criminal Law – money laundering. In view of the fact that tax collection provides revenue in the national budget, the risks of tax evasion are considered to be a significant encroachment on public and public interest. The consequences of tax evasion affect the entire company, in the interest of which it is expected that the State budget receives all the payments due to it. In protecting the public budget and public welfare, the legislature established criminal liability for offences in the field of taxation. The object of the Master's work is the settlement of criminal relations in the field of taxation and the economy. The subject of the Master's work is the criminal legal norms of criminal offences such as tax evasion and money laundering, law doctrine and jurisprudence. The work analysed the provisions of criminal law, compiled legal literature findings and case law. In addition, there is a view of the problem of the problem of criminal law in connection with the confiscation of virtual currency, as well as the risks of tax evasion, identified problems, gaps and offered solutions.

Key words: taxes, tax avoidance, laundering, community of criminal offences.

Nodokļu nemaksāšanas problēma Latvijā ir ļoti aktuāla jau vairākus gadus, taču veiktie nodokļu administrēšanas pasākumi ēnu ekonomikas apkarošanā un ierobežošanā nespēj pilnībā izmainīt situāciju. Neskatoties uz to, ka Latvijas Republikā ir pievienotās vērtības nodokļa (turpmāk – PVN) plaisas samazināšanas tendence – no 18,8% (2014.gadā) līdz 10,2% (2018.gadā), nesamaksāto PVN saistību īpatsvars liecina, ka karuseļa shēmu problēma vēl aizvien ir aktuāla (Committee of Experts ... 2018; Valsts ieņēmumu dienests 2019 (1)). Arī ir vērojama nedeklarētās darba algas īpatsvara samazināšanas tendence – no 23,7% (2014. gadā) līdz 19,3% (2018.gadā) (Committee of Experts ... 2018; Valsts ieņēmumu dienests 2019 (2)), bet kopumā nesamaksāto nodokļu apmērs ir pārāk liels un nodara būtisku kaitējumu valsts budžetam. Izvairīšanās no nodokļu nomaksas ir Krimināllikuma 218. pantā noteikts predikatīvs nodarījums, izdarot kuru tiek iegūti līdzekļi, kurus vēlāk legalizē, tādējādi izdarot Krimināllikuma 195.panta noziedzīgu nodarījumu – noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšana. Bet tiesību sargājošām iestādēm bieži trūkst izpratnes un savstarpējas komunikācijas, lai korekti piemērotu krimināltiesisko regulējumu attiecībā uz tādiem noziedzīgiem nodarījumiem kā izvairīšanās no nodokļu nomaksas un noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšana, kuri veido noziedzīgu nodarījumu kopību. Jau no neatminamiem laikiem ir cilvēki, kas savus ienākumus ir guvuši, izdarot noziedzīgus nodarījumus.

Kriminālatbildības pamats noziedzīgos nodarījumos par izvairīšanos no nodokļu nomaksas. Kriminālatbildība nodokļu jomā var iestāties dažādu nodarījumu veidā, tai skaitā, par izvairīšanos no nodokļu vai tiem pielīdzināto maksājumu nomaksas vai par ienākumu, peļņas vai citu ar nodokli apliekamo objektu slēpšanu vai samazināšanu, ja ar to nodarīti zaudējumi valstij vai pašvaldībai lielā apmērā (Krimināllikuma 218. pants) (Krogzeme 2010, 554. lpp.), ka arī par svešas mantas vai tiesību uz šādu mantu iegūšanu, ļaunprātīgi izmantojot uzticēšanos vai ar viltu (krāpšana) (Krimināllikuma 177. pants).

Nelikumīga izvairīšanās no nodokļa maksāšanas ietver tādas darbības, kuru rezultātā tiek pārkāptas likuma normas, tai skaitā veiktas krimināli sodāmas darbības. Autori pētījuma laikā secina, ka Krimināllikuma 218. pantā ietverta norāde uz vairākiem veidiem, kā objektīvi var izpausties šajā pantā ietvertais noziegums, ko apstiprina Augstākās tiesas Senāta Krimināllietu departamenta 2005. gada 9. augusta lēmuma lietā SKK-272 norādītais: „Krimināllikuma 218. panta nosaukums „Izvairīšanās no nodokļu un tiem pielīdzināto maksājumu nomaksas” ļauj secināt, ka šī nozieguma sastāvs aptver ne tikai tiešu izvairīšanos no aprēķināto nodokļu vai tiem pielīdzināto maksājumu nomaksas, bet arī ar nodokli apliekamo objektu slēpšanu vai samazināšanu.” (Latvijas Republikas Augstākās tiesas

Senāta ... 2006, 120.-126. lpp.). Krimināllikuma 218. panta otrajā daļā paredzētā noziedzīgā nodarījuma sastāvs pēc savām konstruktīvajām īpatnībām atbilst materiāla sastāva pazīmēm, jo satur norādi ne tikai uz personas nodarījumu darbības vai bezdarbības veidā, bet arī uz kaitīgām sekām – zaudējumiem valstij vai pašvaldībai lielā apmērā, obligāti konstatējot cēloņsakarību starp kaitīgo darbību vai bezdarbību un krimināltiesību normā paredzētajām sekām (Latvijas Republikas Augstākās tiesas Senāta ... 2006, 53. lpp.), proti, zaudējumu valstij vai pašvaldībai, kas ir vienāds ar nozieguma izdarīšanas brīdī valstī noteikto piecdesmit minimālo mēnešalgu kopsummam vai pārsniedz to.

Tas savukārt norāda, ka apsūdzībā, pirmkārt, būtu jānorāda, kādā veidā izdarīts Krimināllikuma 218. pantā paredzētais noziegums – proti, ar bezdarbību, tieši izvairoties no nodokļu vai tiem pielīdzināto maksājumu nomaksas, vai arī ar darbību, slēpjot vai samazinot ienākumus, peļņu vai citus ar nodokļiem apliekamos objektus un tādējādi izvairoties no nodokļu un tiem pielīdzināmo maksājumu nomaksas. Taču bez noziedzīga nodarījuma subjekta pamata pazīmēm – pieskaitāmības (arī ierobežotas pieskaitāmības) un kriminālatbildības vecuma, krimināltiesību teorijā tiek izdalīts speciālā subjekta jēdziens, tādējādi apzīmējot personas, kuras var būt „tikai par noteiktu noziedzīgu nodarījumu kategoriju vai noteikta veida noziedzīga nodarījuma subjektu”, kā personas, kuras apveltītas ar noteiktām īpašībām, kāds ir arī Krimināllikuma 218. pantā paredzētā nozieguma subjekts, ko determinē nodokļu normatīvie akti. Un, lai arī Krimināllikuma 218. pants konstruēts tādā veidā, ka panta dispozīcijā nav īpaši norādīts uz mērķi (nolūku) kā obligātu noziedzīga nodarījuma sastāva subjektīvās puses pazīmi, taču, lai konstatētu šajā krimināltiesību normā ietvertā nozieguma sastāvu, minētais mērķis (nolūks) ir obligāti jāpierāda (Latvijas Republikas Augstākās tiesas pētījums 2013, 1. lpp.).

Pētījuma laikā konstatēts, ka nodokļu maksātāji netiek brīdināti par to, ka nenomaksātā nodokļa apmērs ir sasniedzis summu, kad uzņēmuma amatpersonai var ierosināt krimināllietu. Kad nodokļu parāda apmērs sasniedzis piecdesmit mēnešalgu kopsummam, ar nodokļu maksātāju turpina strādāt nevis Valsts ieņēmumu dienesta Piedziņas pārvalde, bet Nodokļu un muitas policijas pārvalde, uzsākot kriminālprocesu. Diemžēl, neskatoties uz to, ka pēc krimināllietas uzsākšanas nodokļu maksātājs būtu gatavs nomaksāt nenomaksāto summu, krimināllietā netiek izbeigta, bet fakts par to, ka nodokļu maksātāja parāds tiek nomaksāts līdz tiesai, kalpo tikai kā mīkstinošais apstāklis. Bieži vien šādiem nodokļu maksātājiem bez pamatsoda noteikšanas, tiek arī atņemtas tiesības ieņemt amatus. Būtu ieteicams, ka šādiem nodokļu maksātājiem dotu iespēju uzreiz nomaksāt nodokļu parādu, neuzsākot krimināllietu un tikai, ja nodokļu parāds netiks nomaksāts noteiktajā periodā, uzsākt kriminālprocesu. Līdzīgi tiek noteikts Krievijas Federācijas Kriminālprocesuālajā Kodeksā 28.¹ pantā: persona, kura pirmo reizi izdarīja noziedzīgu nodarījumu (nodokļu jomā) tiek atbrīvota no Kriminālatbildības, ja zaudējumi, kurus persona nodarīja budžetam, tiek atlīdzināti pilnā apmērā (Галдин, Кондраткова 2018, s. 64). Autoru priekšlikums ir papildināt Krimināllikuma 58.pantu “Atbrīvošana no kriminālatbildības” ar 2.¹ daļu, izsākot šo daļu sekojošā redakcijā:

“Personu, kas izdarījusi kriminālpārkāpumu saistībā ar Krimināllikuma 218.panta 2.daļu, var atbrīvot no kriminālatbildības, ja ir izlīgums ar cietušo vai viņa pārstāvi un persona pēdējā gada laikā nav tikusi atbrīvota no kriminālatbildības par tīša noziedzīga nodarījuma izdarīšanu, noslēdzot izlīgumu, un pilnīgi novērsusi ar izdarīto noziedzīgo nodarījumu radīto kaitējumu vai atlīdzinājusi nodarīto zaudējumu”.

Pēc autoru uzskata, šāda rīcība ļautu papildināt budžetu un samazināt izmaksas gan izmeklēšanas laikā, gan tiesvedības laikā. Tādējādi, izvērtējot nelikumīgu izvairīšanos no nodokļu nomaksas krimināltiesiskā aspektā, var izdarīt secinājumus, ka likuma “Par Krimināllikuma spēkā stāšanās un piemērošanas kārtību” noteiktais “liels apmērs” nav objektīvs uzņēmumiem ar lielu apgrozījumu un lielu darbinieku skaitu, kuriem nodokļu maksājumi budžetā tiek veikti ievērojamos apmēros. Līdz ar to šis kritērijs būtu pilnveidojams, veicot grozījumus gan Likuma “Par Krimināllikuma spēkā stāšanās un piemērošanas kārtību”, gan Krimināllikumā. Ņemot vērā šo priekšlikumu, būtu ieteicams veikt grozījumus Krimināllikumā attiecībā uz normu par atbrīvošanu no kriminālatbildības. Jo nav lietderīgi tērēt valsts materiālos līdzekļus nodokļu nemaksātāju uzturēšanai ieslodzījuma vietās, ja viņi ir gatavi atlīdzināt zaudējumus budžetam.

Noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanas krimināltiesiskais regulējums. Pienākumu Latvijai kā starptautisku līgumu dalībvalstij kriminālizēt noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizāciju prasa Apvienoto Nāciju Organizācijas Konvencija pret narkotisko un psihotropo vielu nelegālu apriti, kas stājās spēkā Latvijā 1993.gada 11.maijā; 1990.gada 8.novembra Eiropas Padomes Konvencija par noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijas novēršanu, meklēšanu, izņemšanu un konfiskāciju, kas stājās spēkā Latvijā 1998.gada 23.oktobrī; Apvienoto Nāciju Organizācijas Konvencija pret transnacionālo organizēto noziedzību, kas stājās spēkā Latvijā 2001.gada 6.jūnijā; 2005.gada 16.maija Eiropas Padomes konvencija par noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijas un terorisma finansēšanas novēršanu, kā arī šo līdzekļu meklēšanu, izņemšanu un konfiskāciju, kas stājās spēkā Latvijā 2009.gada 31.decembrī un 2005.gada 19.maija Apvienoto Nāciju Organizācijas Pretkorupcijas konvencija, kas stājās spēkā Latvijā 2005.gada 1.decembrī. Noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācija tika kriminālizēta Saeimā 1998.gada 2. aprīlī Kriminālkodeksā iekļaujot jaunu – 151.-4.pantu, kurš paredzēja kriminālo atbildību par noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanu. Šobrīd atbildību nosaka Krimināllikuma 195. pants (Senāta Krimināllietu ... 2019, 1. lpp.).

Pamatojoties uz Eiropas Padomes noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijas un terorisma finansēšanas novēršanas ekspertu komitejas MoneyVal novērtējumu (Committee of Experts ... 2018, p. 1), Latvijā ir paaugstināti noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijas un terorisma finansēšanas riski. Lai šos riskus mazinātu, valstī tiek īstenoti dažādi pasākumi, tai skaitā veicot grozījumus normatīvajos aktos (Pašina 2019, 10. lpp.). Latvijā kriminālatbildība par noziedzīgu nodarījumu “Noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšana” ir ietverta Latvijas Republikas Krimināllikuma 195. pantā. Šis noziedzīgais nodarījums ir salīdzinoši jauns, bet nozīmīgs un starptautiski aktuāls. Pētījuma laikā konstatēts, ka tiesību sargājošām iestādēm ir problēmas ar virtuālās valūtas konfiscēšanu. Saskaņā ar publiski pieejamo informāciju, 2019.gadā tiesa ir uzdevusi Valsts ieņēmumu dienestam virtuālās valūtas konfiscēšanu, bet iestāde nav bijusi gatava to izpildīt tehniski. Kā norādīja eksperti, virtuālās valūtas netiek glabātas kādā centralizētā vietā, tāpēc valsts iestādei nav kur vērsties, lai pieprasītu arestēt vai konfiscēt kriptovalūtas elektronisko maciņu. Ņemot vērā, ka tehniski nav iespējams izpildīt konfiskāciju, autores priekšlikums – neveikt konfiskāciju, bet novērtēt virtuālo valūtu pēc to iegādes vērtības. Pēc autoru uzskatiem, virtuālā valūta ir gan fiziskās personas, gan uzņēmuma aktīvs, kuram ir vērtība, par kuru šis aktīvs tika iegādāts. Tādējādi, konfiscējot šo aktīvu, to novērtēt pēc iegādes vērtības. Autoru priekšlikums veikt grozījumus Kriminālprocesa likumā un iekļaut tajā 358.² pantu: “Noziedzīgi iegūtas mantas aizstāšana pēc prokurora vai tiesneša lūguma” sekojošā redakcijā:

“Ja personai piemērota noziedzīgi iegūtas mantas konfiskācija valsts labā, bet nav iespējams veikt šīs mantas konfiskāciju, prokurors vai tiesnesis Krimināllikumā noteiktajā gadījumā var aizstāt konfiscēto mantu ar finanšu līdzekļiem šīs mantas iegādes vērtībā.”

Ņemot vērā, ka Krimināllikuma 70.¹⁴ pantā ir iekļauta norma par konfiscējamās mantas aizstāšanu, autores priekšlikums papildināt šo pantu ar (3.¹ daļu) sekojošā redakcijā:

“Ja personai piemērota noziedzīgi iegūtas mantas konfiskācija, bet nav iespējams veikt šīs mantas konfiskāciju, konfiscējamo mantu var aizstāt ar finanšu līdzekļiem šīs mantas iegādes vērtībā.”

Atbilstoši Eiropas Parlamenta un Padomes direktīvas (ES) 2018/843 prasībām Finanšu izlūkošanas dienestam ir jābūt pilnvarām veikt darbības piekļuvei arī fizisko un juridisko personu makiem blok-ķēdē. Fiziskajām un juridiskajām personām jābūt iespējai deklarēt makus – kā blok-ķēdē, tā platformās esošos. Līdz ar to būtu ieteicams, veikt grozījumus Ministru Kabineta 2015.gada 22.septembra noteikumos Nr. 537 “Noteikumi par nodokļu maksātāju un nodokļu maksātāju struktūrvienību reģistrāciju Valsts ieņēmumu dienestā” un papildināt tos ar apakšpunktiem 4.2.7. un 4.2.8. sekojošā redakcijā:

“Valsts ieņēmumu dienests nodokļu maksātāju reģistrā reģistrē šādus nodokļu maksātājus: [...] subjektus, kas nav reģistrējami Latvijas Republikas Uzņēmumu reģistrā: [...]

1.2.7. nodokļu maksātāju vietnes, kas uztur e-makus virtuālajai naudai;

1.2.8. nodokļu maksātāju virtuālās valūtas makus (gan blok-ķēde, gan platformās esošos makus).”

Ņemot vērā augstāk minēto, var secināt, ka noziedzīgi iegūtu finanšu līdzekļu vai citas mantas legalizēšana nodara lielu kaitējumu valsts budžetam, tādējādi ļoti svarīgi rast iespēju pārtraukt šī noziedzīgā nodarījuma izdarīšanu, t.sk. veicot grozījumus likumos, izstrādājot vienotas vadlīnijas utt. Izvērtējot noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanas krimināltiesisko regulējumu, var izdarīt šādus secinājumus, ka krimināltiesiskais regulējums noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijas jomā ir pilnveidojams.

Izvairīšanās no nodokļu nomaksas un legalizēšana kā noziedzīgu nodarījumu kopības problemātika. Noziedzības izpēte pārlicinoši pierāda, ka viena un tā pati persona, prettiesiski rīkojoties, bieži vien vienā un tajā pašā laikā vai dažādos laikos izdara vairākus noziedzīgus nodarījumus, kuri katrs juridiski jānovērtē. Persona, kas izdarījusi vairākus noziedzīgus nodarījumus, parasti ar likumu aizsargātām interesēm nodara lielāku kaitējumu, tāpēc viņas prettiesiskajai darbībai kopumā ir smagāka kaitīguma pakāpe (Krastiņš 2000, 185. lpp.).

Lai varētu juridiski atbilstoši novērtēt personas, kuras izdarījušas vairākus noziedzīgus nodarījumus, krimināltiesību teorijā ir izveidots noziedzīgu nodarījumu daudzējādības institūts. Noziedzīgu nodarījumu daudzējādību veido vienas personas izdarīti vismaz divi patstāvīgi nodarījumi. Patstāvīgs noziedzīgs nodarījums ir paredzēts Krimināllikuma Sevišķās daļas pantā vai tā daļā (punktā) kā atbilstošs tur formulētam konkrētam noziedzīga nodarījuma sastāvam, un tie ir atsevišķi (vienoti) noziedzīgi nodarījumi. Saskaņā ar Krimināllikuma 24.panta pirmo daļu, ievērojot noziedzīgu nodarījumu daudzējādības normatīvajā formulējumā noteiktās pazīmes un procesuālos nosacījumus, par noziedzīga nodarījuma daudzējādību atzīstami vienas personas izdarīti vai pieļauti (bezdarbība) divi vai vairāki patstāvīgi noziedzīgi nodarījumi, kas atbilst vairāku noziedzīgu nodarījumu sastāvu pazīmēm (reālā kopība), vai persona izdara vai pieļauj vienu nodarījumu (darbību vai bezdarbību), kas atbilst vismaz divu dažādu noziedzīgu nodarījumu sastāvu pazīmēm (ideālā kopība), ja vismaz par diviem izdarītajiem noziedzīgajiem nodarījumiem saglabājušās juridiskās sekas un nav procesuālu šķēršļu, lai varētu konstatēt vismaz divu patstāvīgu noziedzīgu nodarījumu izdarīšanu. Normatīvi ir reglamentēti divi noziedzīgu nodarījumu daudzējādības veidi: reālā un ideālā kopība (Krastiņš, Liholaja 2018, 120.-121. lpp.).

Krimināltiesību doktrīnā pastāv vienots uzskats, ka noziedzīgu nodarījumu reālo kopību veido divi vai vairāki noziedzīgi nodarījumi, kas atbilst arī spēkā esošajam tiesiskajam regulējumam. Šī pazīme pastāv jau vairākus gadu simtus un nemainīga ir saglabājusies arī līdz mūsdienām un nerada šaubas par pazīmes patiesumu (Persidskis 2018, 1. lpp.). Analizējot noziedzīgu nodarījumu ideālo kopību, profesors U. Krastiņš norāda uz vairākām pazīmēm, kas raksturo šo daudzējādības veidu: 1) noziedzīgā darbība ir vērsta uz noteiktu mērķi, kura sasniegšanas gaitā tiek izdarīts cits noziedzīgs nodarījums; 2) parasti noziedzīgu nodarījumu ideālās kopības gadījumos tiek apdraudēti atšķirīgi nodarījuma tiešie objekti, kas ir „visai svarīgs faktors, lai būtu pamats atzīt, ka izdarīti divi patstāvīgi noziedzīgi nodarījumi”; 3) ideālo kopību veidojošos noziedzīgos nodarījumus persona izdara ar savu darbību vai vairākām savstarpēji saistītām darbībām vienā tajā pašā šo darbību realizēšanas procesā (Latvijas Republikas Augstākās tiesas pētījums 2013,1. lpp.).

Ar noziedzīgu nodarījumu reālo kopību saprot gadījumus, kad viena un tā pati persona ar laika ziņā nošķirtām darbībām vai bezdarbības aktiem citu pēc cita izdara divus vai vairākus patstāvīgus noziedzīgus nodarījumus, par kuriem viņa līdz sprieduma taisīšanai nav bijusi notiesāta un attiecībā uz kuriem nav iestājies kriminālatbildības noilgums. Laika atstarpei starp vismaz diviem noziedzīgiem nodarījumiem, kas veido nodarījumu reālo kopību, nav nozīmes, ja vien kādam no noziedzīgajiem nodarījumiem nav iestājies kriminālatbildības noilgums. Noziedzīgu nodarījumu reālās kopības atsevišķos gadījumos iespējama situācija, kad kopību veidojošo noziedzīgo nodarījumu izdarīšanas laiks kaut kādā brīdī sakrīt (Krastiņš, Liholaja 2018, 123. lpp.).

Pētījuma laikā, izvērtējot dažādu zinātnieku atziņas par noziedzīgu nodarījumu kopības veidošanas aspektiem, maģistra darba autore piekrita Dr. iur. L. Kovaļas paustajam viedoklim, ka izvairīša-

nās no nodokļu nomaksas un noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšana veido reālo kopību. Izvērtējot Krimināllikuma 218. un 195. pantos paredzēto noziedzīgo nodarījumu sastāva pazīmes, var secināt, ka izvairīšanās no nodokļu nomaksas un noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšana neveido ideālo kopību. Šie noziedzīgie nodarījumi var veidot noziedzīgu nodarījumu reālo kopību, bet šiem noziedzīgajiem nodarījumiem jābūt norobežotiem laika ziņā. Vispirms jābūt pabeigtam predikatīvajam noziedzīgajam nodarījumam, kas paredzēts Krimināllikuma 218. pantā, un tikai pēc tā pabeigšanas un noziedzīgi iegūtu līdzekļu (prettiesiski nesamaksāto nodokļu) iegūšanas īpašumā vai valdījumā ar citām darbībām, kas vērstas uz priekšstata radīšanu, ka līdzekļi iegūti likumīgi, tiek īstenota noziedzīgu līdzekļu legalizēšana. Nodokļu nemaksāšana un noziedzīgu līdzekļu legalizēšana nevar būt īstenota vienlaicīgi ar vienām un tām pašām darbībām (Kovaļa 2013, 1. lpp.).

Neskatoties uz to, ka izvairīšanās no nodokļu nomaksas un noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšana veido noziedzīgu nodarījumu reālo kopību, viens no svarīgākajiem izvairīšanās no nodokļu nomaksas kvalifikācijas problēmjautājumiem ir tās norobežošana no noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanas. Krimināllikuma 195. pantā paredzētā noziedzīgā nodarījuma konstatēšanai vispirms jākonstatē predikatīvais noziedzīgais nodarījums, kura izdarīšanas rezultātā prettiesiski iegūta manta vai līdzekļi. Otrkārt, jākonstatē kāda no Noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijas un terorisma finansēšanas novēršanas likuma 5. pantā minētajām darbībām ar noziedzīgi iegūtu mantu, kas izdarīta, lai slēptu vai maskētu mantas noziedzīgo izcelsmi. Teorētiski noziedzīgu nodarījumu kvalifikācija un to norobežošana neizraisa strīdus. Tomēr praksē kvalifikācijas jautājumi tiek risināti nevienveidīgi (Kovaļa 2018, 1. lpp.).

Kā atzīmēja Dr.iur. J. Juriss, analizējot tiesas nolēmumus, kuros kā predikatīvais noziedzīgais nodarījums tika inkriminēts Krimināllikuma 218. pantā ietvertais noziedzīgā nodarījuma sastāvs – 18 krimināllietās no 23 analizētajām apsūdzētajiem noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšana tika inkriminēta nepamatoti, vienas un tās pašas personas darbības norādot gan Krimināllikuma 218. pantā, gan arī Krimināllikuma 195. pantā ietvertā noziedzīgā nodarījuma objektīvās puses aprakstā, savukārt tiesas ir pieļāvušas kļūdu, notiesājot šīs personas par noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanu. Tiesa savā konkrētās lietas izskatīšanā nolēmumā atzina, ka vainīgās personas darbības – noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšana – ir izpaudušās kā valsts budžetā PVN veidā maksājamo līdzekļu iegūšana savā valdījumā un to lietošanā, tērējot savām personiskajām vajadzībām. Analizējot minēto tiesas spriedumu, var izdarīt vairākus secinājumus. Pirmkārt, tiesa kā noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanu ir atzinusi tās pašas darbības, kuras personai bija inkriminētas kā izvairīšanās no nodokļu nomaksas. No sprieduma nepārprotami ir secināms, ka persona ir izmantojusi nedeklarētos kontus, lai veiktu darījumus, kurus izmantoja par pamatu, lai VID iesniegtu faktiskajiem apstākļiem neatbilstošas PVN deklarācijas, tādējādi izdarot Krimināllikuma 218. panta otrajā daļā paredzēto noziedzīgo nodarījumu, taču tiesa minētās darbības kļūdaini kvalificēja arī kā noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanu (Juriss 2011, 1. lpp.).

Kļūdaina ir tiesas atziņa, ka līdzekļu saņemšana valdījumā, kuru izmantošana darījumos bija primārais nosacījums, lai realizētu Krimināllikuma 218. pantā ietvertā noziedzīgā nodarījuma sastāvu, ir uzskatāma par noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanu, proti, šo līdzekļu izmantošana (pārskaitīšana) bija kā priekšnosacījums, lai realizētu Krimināllikuma 218. pantā ietvertā noziedzīgā nodarījuma sastāvu. Konkrētajā gadījumā, ja M.K. neveiktu darbības, kas kļūdaini inkriminētas kā noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšana, ar minētajiem līdzekļiem, tad M.K. nemaz nevarētu izvairīties no nodokļu nomaksas. Otrkārt, neraugoties uz to, ka tiesa M.K. darbībās ir saskatījusi atbilstību Noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijas un terorisma un proliferācijas finansēšanas novēršanas likuma 5. panta pirmās daļas 1. punktā un 3. punktā noteiktajam, minētā likuma normas tā spriedumā nav atklājusi, turklāt ir nonākusi pie nepareiza secinājuma, jo, kaut gan Noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijas un terorisma un proliferācijas finansēšanas novēršanas likuma 5. panta pirmās daļas 1. punkts nosaka, ka par legalizāciju jāuzskata finanšu līdzekļu vai mantas pārvēršana citās vērtībās, to atrašanās vietas vai piederības mainīšana, bet 3. punkts – finanšu līdzekļu vai citas mantas

iegūšana īpašumā, valdījumā vai lietošanā, ja šo tiesību rašanās brīdī ir zināms, ka šie līdzekļi vai manta ir noziedzīgi iegūta, tomēr jāņem vērā obligāts nosacījums, kas noteikts Noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijas un terorisma un proliferācijas finansēšanas novēršanas likuma 5. panta pirmajā daļā, tas ir, noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācija ir 5. panta attiecīgajā daļā noteiktās darbības, ja tās izdarītas nolūkā slēpt vai maskēt finanšu līdzekļu vai citas mantas noziedzīgo izcelsmi (Juriss 2011, 1. l pp.).

Līdz ar to tiesas atziņa, ka līdzekļu iztērēšana savām personiskajām vajadzībām konkrētajā gadījumā ir uzskatāma par noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijas sastāvdaļu, ir nepareiza. Ja konkrētās darbības nav izdarītas ar mērķi radīt iespaidu (priekšstatu) citām personām, ka legalizējamie līdzekļi ir iegūti likumīgi, tad šādas darbības neveido Krimināllikuma 195. pantā ietvertā noziedzīgā nodarījuma sastāvu. Turklāt jāņem vērā, ka Krimināllikuma 195. pantā paredzētā noziedzīgā nodarījuma priekšmets ir manta, kas tieši vai netieši iegūta Krimināllikuma paredzēto noziedzīgo nodarījumu izdarīšanas rezultātā, līdz ar to mantas iegūšanu, izvairoties no nodokļu nomaksas, vienlaikus nevar atzīt par noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanu (Juriss 2011, 1. l pp.).

Var piebilst, ka nedeklarēto kontu turpmāka izmantošana vispār var būt saistīta ar legalizēšanu, ja vien minētie konti pēc līdzekļu iegūšanas savā valdījumā vai īpašumā, zinot, ka tie iegūti noziedzīgā kārtā, konkrētajā gadījumā – pēc izvairīšanās no nodokļu nomaksas, tiek izmantoti nolūkā slēpt vai maskēt finanšu līdzekļu noziedzīgo izcelsmi. Pētījuma laikā konstatēts, ka bieži tiesas spriedumos netiek ņemts vērā, ka likuma Par noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanas novēršanu 5. pantā minētās darbības atzīstamas par noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizāciju tikai tad, ja tās izdarītas nolūkā slēpt vai maskēt finanšu līdzekļu vai citas mantas noziedzīgo izcelsmi. Savukārt apsūdzēto personu darbības, kas veiktas pēc Krimināllikuma 218. panta (izvairoties no nodokļu nomaksas) nolūks nebija slēpt vai maskēt to izcelsmi, bet gan nemaksāt valstij nodokļus. Līdzīgs piemērs ir atspoguļots arī 2019. gada 19. decembra Latvijas Republikas Senāta Lēmumā (Lieta Nr.15830110809, SKK-219/2019), kurā ir norādīts, ka sākotnēji ar pirmās instances tiesas spriedumu, divas personas tika atzītas par vainīgām gan par Krimināllikuma 218. panta otrajā daļā paredzēto noziedzīgu nodarījumu, gan par 195. panta trešajā daļā. Saskaņā ar tiesas spriedumā norādīto informāciju, no pierādītā noziedzīgā nodarījuma apraksta izriet, ka zaudējums valstij tika nodarīts ar neesošu darījumu iekļaušanu priekšnodoklī, tādējādi radot PVN pārmaksu, kas tika izmantota, sedzot maksājamo nodokli un pārmaksu novirzot uz nākamo taksācijas periodu. Ar Rīgas apgabaltiesas spriedumu pirmās instances tiesas spriedums tika atcelts daļā par personu atzīšanu par vainīgām un sodīšanu pēc Krimināllikuma 195. panta trešās daļas. Prokurors iesniedza kasācijas protestu, kurā lūdza atcelt apelācijas instances tiesas spriedumu daļā par personu attaisnošanu pēc Krimināllikuma 195. panta trešās daļas (Juriss 2011, 1. l pp.).

Senāts atzina, ka prokurora norāde kasācijas protestā par Krimināllikuma 195. panta nepareizu piemērošanu nav pamatota. Tiesa ir atzinusi, ka par noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizāciju nevar atzīt tās pašas darbības, kuras personām inkriminētas kā izvairīšanās no nodokļu nomaksas, jo naudas līdzekļu pārskaitīšana uz bankas kontiem veikta nolūkā iesniegt Valsts ieņēmumu dienestam faktiskajai situācijai neatbilstošas PVN deklarācijas, lai iegūtu tiesības uz priekšnodokļa atskaitīšanu, nevis legalizēt noziedzīgā ceļā iegūtus naudas līdzekļus. Senātam nebija pamata apšaubīt šos tiesas atzinumus. Krimināllikuma 195. pantā noteikta kriminālatbildība par noziedzīgi iegūtu finanšu līdzekļu vai citas mantas legalizēšanu. Minētajā likuma normā nav sniegts noziedzīgi iegūtu finanšu līdzekļu vai mantas jēdziens. Lai personai inkriminētu Krimināllikuma 195. pantā paredzētā noziedzīgā nodarījuma izdarīšanu, ir jānoskaidro un jāpierāda šī noziedzīgā nodarījuma priekšmets katrā konkrētā lietā, t.i., noziedzīgi iegūtie finanšu līdzekļi vai manta minētās Krimināllikuma normas izpratnē. Lai noskaidrotu Krimināllikuma 195. panta saturu, minētā likuma norma jāaplūko kopsakarībā ar citiem normatīvajiem aktiem. Apsūdzēto personu inkriminēto darbību izdarīšanas laikā spēkā bija Noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijas un terorisma finansēšanas novēršanas likuma 4. panta pirmā daļa šādā redakcijā: „Līdzekļi atzīstami par noziedzīgi iegūtiem, ja personas īpašumā vai valdījumā tie tieši vai netieši iegūti, izdarot noziedzīgu nodarījumu”. No minētās tiesību normas var secināt, ka

„līdzekļiem” jābūt iegūtiem, izdarot noziedzīgu nodarījumu un jāatrodas personas īpašumā vai valdījumā. Senāts atzīmēja, ka predikatīvais noziedzīgais nodarījums vienmēr tiek izdarīts pirms sekundārā, proti, pirms tā rezultātā iegūto līdzekļu legalizēšanas, jo legalizēt var tikai tādus līdzekļus, kas jau iegūti noziedzīgā nodarījuma rezultātā (Latvijas Republikas Krimināltiesību departamenta Senāta Lēmums 2019, 1. l pp.).

Papildus Lēmumā tika norādīts, ka juridiskajā literatūrā par noziedzīgi iegūto līdzekļu jēdzienu pausts šāds viedoklis: „Praksē par predikatīvo noziedzīgo nodarījumu atzīst arī izvairīšanos no nodokļu un tiem pielīdzināto maksājumu nomaksas (Krimināllikuma 218. p.). Tomēr apšaubāms, vai ar vārdiem „noziedzīgi iegūts” tiek saprasti gadījumi, kad noziedzīga nodarījuma rezultātā no citām personām nekas netiek iegūts, bet gan netiek atdots tas, kas jāatdod. Izvairoties no nodokļu nomaksas, ir konstatējama tieši šāda situācija, jo persona citam neko neatņem, respektīvi, no citiem neiegūst, bet gan izvairās no mantiska rakstura izdevumiem. Turklāt šī nauda, kas prettiesiski netiek samaksāta valstij, parasti personas rīcībā atrodas likumīgi, nelikumīgi tā netiek vienīgi atdota valstij (Leja 2019, 116.-117. l pp.).

Kā predikatīvajam noziedzīgajam nodarījumam, kura rezultātā līdzekļi noziedzīgi iegūti, tā arī sekundārajam noziedzīgajam nodarījumam – šo noziedzīgi iegūto līdzekļu legalizēšanai – piemīt savas, konkrēta noziedzīga nodarījuma sastāva objektīvās un subjektīvās pazīmes, un to objektīvo pusi nevar veidot vienas un tās pašas darbības. Senāts norādīja, ka konkrētajā gadījumā fiktīvi darījumi tika noslēgti nolūkā tos iekļaut priekšnodoklī, un tādējādi samazināt valstij pienākošos nodokļu samaksas apmēru par veikto saimniecisko darbību. No Spriedumā minētajām personām inkriminētās apsūdzības izriet, ka četras vadītās SIA – pārskaitīja naudas līdzekļus uz citiem bankas kontiem, lai, izmantojot uzņēmumu rīcībā esošos likumīgos naudas līdzekļus, radītu maldīgu priekšstatu par saimnieciskās darbības veikšanu starp uzņēmumiem, uz kura pamatā vēlāk ieguva tiesības uz nodokļu samazināšanu. Tādējādi uzņēmumi izvairījās no mantiska rakstura izdevumiem, kā rezultātā Spriedumā minētās personas izdarīja noziedzīgu nodarījumu, kas paredzēts Krimināllikuma 218. panta otrajā daļā. Tādējādi var secināt, ka tiesību normas attiecībā uz Krimināllikuma 218. pantu un 195. pantu tiek piemērotas nevienveidīgi. Ņemot vērā, ka Krimināllikuma 195. pantā ietvertā nozieguma priekšmets ir noziedzīgi iegūti līdzekļi, ir jākonstatē tas noziedzīgais nodarījums (predikatīvais noziegums), kura rezultātā līdzekļi ir iegūti, un tikai tad var tikt lemts jautājums par šo noziedzīgi iegūto līdzekļu legalizēšanas sastāva esamību. Kā predikatīvajam, tā sekundārajam noziedzīgajam nodarījumam ir savas, konkrētas sastāva objektīvās un subjektīvās pazīmes, un to objektīvo pusi nevar veidot vienas un tās pašas darbības. Kādu tīšu darbību izdarīšana ar noziedzīgi iegūtiem līdzekļiem vēl nenozīmē to legalizēšanu, jo ir jākonstatē, ka šo darbību nolūks (mērķis) ir bijis slēpt vai maskēt finanšu līdzekļu vai citas mantas noziedzīgo izcelsmi (Tiesu prakse ... 2019, 1. l pp.).

Ņemot vērā ka Krimināllikuma 218. un 195. pantā noteiktie noziedzīgie nodarījumi veido noziedzīgu nodarījumu reālo kopību un šiem noziedzīgajiem nodarījumiem jābūt norobežotiem laikā ziņā, var secināt, ka vispirms jābūt pabeigtam predikatīvajam noziedzīgajam nodarījumam, kas paredzēts Krimināllikuma 218. pantā, un tikai pēc tā pabeigšanas un noziedzīgi iegūto līdzekļu (prettiesiski nesamaksāto nodokļu) iegūšanas īpašumā vai valdījumā ar citām darbībām, kas vērstas uz priekšstata rādīšanu, ka līdzekļi iegūti likumīgi, var īstenot noziedzīgu līdzekļu legalizēšanu. Var piekrist Dr.iur. L. Kovaļas viedoklim, ka nodokļu nemaksāšana un noziedzīgu līdzekļu legalizēšana nevar būt īstenojama vienlaikus ar vienām un tām pašām darbībām. Tikai atsevišķajos tiesas spriedumos var konstatēt gadījumus, kad nauda pēc noziedzīga nodarījuma (izvairīšanās no nodokļu nomaksas) tiek legalizēta. Piemēram, tika izpētīts Rīgas pilsētas Centrarajona tiesas 30.05.2012. Spriedums lietā Nr.K27-147-12/4, krimināllieta Nr.15830108807, kurā ir atspoguļots reālās kopības piemērs. Spriedumā norādīts, ka O.M., būdams SIA „[A]” atbildīga amatpersona, organizēja un veica izvairīšanos no nodokļu nomaksas un ar nodokli apliekamo objektu samazināšanu, ar to nodarot zaudējumus valstij lielā apmērā, kā arī organizēja un veica noziedzīgi iegūto finanšu līdzekļu legalizēšanu lielā apmērā, kas attiecīgi

kvalificēts saskaņā ar Krimināllikuma 20. panta otro daļu, 218. panta otro daļu un 20. panta otro daļu, 195. panta trešo daļu. Savukārt, K. A. atzīts par vainīgu izvairīšanās no nodokļu nomaksas un ar nodokli apliekamā objekta samazināšanas, kā arī noziedzīgi iegūtu finanšu līdzekļu legalizēšanas atbalstīšanā, viņa nodarījumu kvalificējot saskaņā ar Krimināllikuma 20. panta ceturto daļu, 218. panta otro daļu un Krimināllikuma 20. panta ceturto daļu, 195. panta trešo daļu. Tiesa, izskatot lietu bez pierādījumu pārbaudes, šādu noziedzīgo nodarījumu kvalifikāciju atzina par pareizu, spriedums stājies likumīgā spēkā (Latvijas Republikas Augstākā tiesa Senāta Krimināllietu departaments 2013, 28. lpp.). Šajā spriedumā pēc Krimināllikuma 218. panta izdarīšanas, lai radītu priekšstatu, ka darījumi reāli notika, uz fiktīvo uzņēmumu kontiem tika pārskaitītas naudas summas par it kā saņemtajiem pakalpojumiem. Vēlāk, lai atgūtu samaksātās naudas summas un mainītu līdzekļu piederību, tas ir, veiktu nelegāli iegūtu līdzekļu legalizēšanu, naudas līdzekļi no fiktīvo uzņēmumu norēķinu kontiem tika pārskaitīti uz citu uzņēmumu norēķinu kontiem vai uz fizisko personu norēķinu kontiem vai tika izņemti skaidrā naudā no fiktīvo uzņēmumu kontiem ar fiktīvo uzņēmumu formālo vadītāju starpniecību. Tādā veidā tika realizēts Krimināllikuma 195. panta trešajā daļā paredzētā noziedzīgā nodarījuma sastāvs (Rīgas pilsētas ... 2012, 1. lpp.).

Kā redzams no šā piemēra, Krimināllikuma 218. pantā un Krimināllikuma 195. pantā paredzētie noziedzīgie nodarījumi tika realizēti ar dažādām darbībām un tie ir norobežoti laikā, kā arī no sākuma pabeigts Krimināllikuma 218. pantā paredzētais sastāvs un tikai pēc tam tika realizēts Krimināllikuma 195. pantā paredzētais noziedzīgais nodarījums (Kovaļa 2018, 1. lpp.). Tādējādi, var secināt, ka izvairīšanās no nodokļu nomaksas ir Krimināllikuma 218. pantā noteikts predikatīvs nodarījums, izdarot kuru tiek iegūti līdzekļi, kurus vēlāk legalizē, tādējādi izdarot Krimināllikumā 195. pantā noziedzīgu nodarījumu – Noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšana. Pētījuma laikā konstatēts, ka tiesību sargājošām iestādēm bieži trūkst izpratnes un savstarpējas komunikācijas, lai korekti piemērotu krimināltiesisko regulējumu attiecībā uz tādiem noziedzīgiem nodarījumiem kā izvairīšanās no nodokļu nomaksas un noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšana, kuri veido noziedzīgu nodarījumu kopību.

Nobeigums. Pētījumā, analizējot kriminālatbildību par izvairīšanos no nodokļu nomaksas un par noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanu, kā arī izpētot šo noziedzīgu nodarījumu kopību, autori secināja, ka identificējamās vairākas problēmas. Tā piemēram, gadījumi, kad uzņēmuma vadītāji neveiksmīgas uzņēmējdarbības dēļ vai fiziskās personas, kuras ir pārdevušas nekustāmo īpašumu, bet dažādu iemeslu dēļ nav samaksājuši nodokļus, ir arī neapzināti veikuši noziedzīgus nodarījumu. Minētās personas pat nezina apmēru, sasniedzot kuru iestājas kriminālatbildība, un būtu ieteicams, preventīvi brīdināt nodokļu maksātāju par parāda apmēru, sasniedzot kuru, var ierosināt kriminālprocesu, kas veicinātu nodokļu maksātājus nomaksāt nodokļu parādu, lai nodokļu parāds nesasniegtu lielu apmēru. Tā kā nodokļu maksātāji netiek brīdināti par to, ka nenomaksātā nodokļa apmērs ir sasniedzis summu, tad nodokļu maksātājs nenovērš šo situāciju. Par šādu situāciju liecina apstākļi, ka bieži pēc kriminālprocesa uzsākšanas nodokļu maksātājs ir gatavs nomaksāt nenomaksāto summu, bet diemžēl kriminālprocess netiek izbeigts, bet apstāklis, ka nodokļu maksātāja parāds tiek dzēsts līdz tiesai, kalpo tikai kā mīkstinošais apstāklis pie soda noteikšanas. Autori iesaka, ka šādiem nodokļu maksātājiem dotu iespēju uzreiz nomaksāt nodokļu parādu, neuzsākot kriminālprocesu un tikai, ja nodokļu parāds netiks nomaksāts noteiktajā periodā, uzsākt to. Autoru priekšlikums ir grozīt Krimināllikuma normas, kas ļautu personu, kas izdarījusi kriminālpārkāpumu saistībā ar Krimināllikuma 218. panta 2. daļu, atbrīvot no kriminālatbildības, ja ir izlīgums ar cietušo vai viņa pārstāvi un persona pēdējā gada laikā nav tikusi atbrīvota no kriminālatbildības par tīša noziedzīga nodarījuma izdarīšanu, noslēdzot izlīgumu, un pilnīgi novērsusi ar izdarīto noziedzīgo nodarījumu radīto kaitējumu vai atlīdzinājusi nodarīto zaudējumu. Šāda tiesību norma ļautu papildināt budžetu un samazināt izmaksas gan pirms tiesas izmeklēšanas, gan tiesvedības laikā. Autori secina, ka liela apmēra zaudējumu kritērijs nav objektīvs uzņēmumiem ar lielu apgrozījumu un lielu darbinieku skaitu, kuriem nodokļu maksājumi budžetā tiek veikti ievērojamos apmēros, jo atbilstoši Krimināllikumam var izveidoties situācija, ka

nodokļu deklarācija ir iesniegta, bet nodoklis laicīgi nav pārskaitīts valsts budžetā dažādu iemeslu dēļ. (piemēram, klientu norēķini nav veikti laicīgi; uzņēmumam tika slēgts norēķinu konts bankā, vai tiek apturēta bankas darbība), tādēļ autoru priekšlikums ir aizstāt normas noteikumos “lielu apmēru” attiecībā uz uzņēmumiem ar lielu apgrozījumu, iespējams veicot grozījumus likumā “Par Krimināllikuma spēkā stāšanās un piemērošanas kārtību” un papildināt Krimināllikumu ar 218. pantu par nodarījumiem, kas izdarīti izvairoties no nodokļu vai tiem pielīdzināto maksājumu nomaksas vai par ienākumu, peļņas vai citu ar nodokli apliekamo objektu slēpšanu vai samazināšanu, ko izdarījusi vidējas vai lielas sabiedrības amatpersona, ja ar to nodarīti zaudējumi valstij vai pašvaldībai sevišķi lielā apmērā, kur vidējas vai lielas sabiedrības amatpersona būtu vērtējamas atbilstoši Latvijas Republikas likuma „Gada pārskatu un konsolidēto gada pārskatu likums” 5. panta, kurā ir noteikti sabiedrību iedalījumu kategorijas.

Vērtējuma pazīmi, būtu ieteicams iekļaut Krimināllikumā un likumā “Par Krimināllikuma spēkā stāšanās un piemērošanas kārtību”. Vēl viena problēma ir tā, ka par atsevišķiem aizdomīgiem darījumiem Noziedzīgi iegūto līdzekļu legalizācijas un terorisma un proliferācijas finansēšanas novēršanas likuma subjektiem jāziņo gan Valsts ieņēmumu dienestam, gan Finanšu izlūkošanas dienestam. Šie pienākumi ir noteikti dažādos normatīvajos aktos, kā arī jāziņo dažādās tīmekļa vietnēs. Maģistra darba autores priekšlikums – apvienot šo iestāžu ziņošanas sistēmas, lai atvieglotu subjektiem ziņošanas pienākuma izpildi. Pētījumu laikā konstatēts, ka izdarot noziedzīgus nodarījumus un legalizējot noziedzīgi iegūtos līdzekļus arvien vairāk tiek izmantoti tehnoloģiju attīstības sasniegumi, piemēram, pārvēršot līdzekļus virtuālajā valūtā. Bet gan pasaulē, gan Latvijā nav atrisināts jautājums par virtuālajām valūtām. Šī ir vēl viena problēma, ar kuru saskārusies tiesību sargājošās iestādes.

Pētījumā laikā konstatēts, ka tiesību sargājošām iestādēm ir problēmas ar virtuālās valūtas konfiscēšanu. Saskaņā ar publiski pieejamo informāciju, 2019.gadā tiesa ir uzdevusi Valsts ieņēmumu dienestam virtuālās valūtas konfiscēšanu, bet iestāde nav bijusi gatava to izpildīt tehniski. Kā norādīja eksperti, virtuālās valūtas netiek glabātas kādā centralizētā vietā, tāpēc valsts iestādei nav kur vērsties, lai pieprasītu arestēt vai konfiscēt virtuālās valūtas elektronisko maciņu. Ņemot vērā, ka tehniski nav iespējams izpildīt konfiskāciju, autores priekšlikums – neveikt konfiskāciju, bet novērtēt virtuālo valūtu pēc to iegādes vērtības. Pēc autoru ieskatiem, virtuālā valūta ir gan fiziskās personas, gan uzņēmuma aktīvs, kuram ir vērtība, par kuru šis aktīvs tika iegādāts. Tādējādi, konfiscējot šo aktīvu, to novērtēt pēc iegādes vērtības. Autoru priekšlikums veikt grozījumus Kriminālprocesa likuma un iekļaut tajā 358.² pantu: “Noziedzīgi iegūtas mantas aizstāšana pēc prokurora vai tiesneša lūguma” sekojošā redakcijā:

“Ja personai piemērota noziedzīgi iegūtas mantas konfiskācija valsts labā, bet nav iespējams veikt šīs mantas konfiskāciju, prokurors vai tiesnesis Krimināllikumā noteiktajā gadījumā var aizstāt konfiscēto mantu ar finanšu līdzekļiem šīs mantas iegādes vērtībā.” Ņemot vērā, ka Krimināllikuma 70.¹⁴ pantā ir iekļauta norma par konfiscējamās mantas aizstāšanu, autoru priekšlikums, papildināt šo pantu ar (3.¹ daļu) sekojošā redakcijā:

“Ja personai piemērota noziedzīgi iegūtas mantas konfiskācija, bet nav iespējams veikt šīs mantas konfiskāciju, konfiscējamo mantu var aizstāt ar finanšu līdzekļiem šīs mantas iegādes vērtībā.” Atbilstoši Eiropas Parlamenta un Padomes direktīvas (ES) 2018/843 prasībām Finanšu izlūkošanas dienestam ir jābūt pilnvarām veikt darbības piekļuvei arī fizisko un juridisko personu makiem blokķēdē. Fiziskajām un juridiskajām personām jābūt iespējai deklarēt makus – kā blokķēdē, tā platformās esošos. Līdz ar to būtu ieteicams, veikt grozījumus Ministru Kabineta 2015.gada 22.septembra noteikumos Nr.537 “Noteikumi par nodokļu maksātāju un nodokļu maksātāju struktūrvienību reģistrāciju Valsts ieņēmumu dienestā” un papildināt tos ar apakšpunktiem 4.2.7. un 4.2.8. sekojošā redakcijā:

“Valsts ieņēmumu dienests nodokļu maksātāju reģistrā reģistrē šādus nodokļu maksātājus: [...] subjektus, kas nav reģistrējami Latvijas Republikas Uzņēmumu reģistrā: [...]

1.1.1. nodokļu maksātāju vietnes, kas uztur e-makus virtuālajai naudai;

4.2.7. nodokļu maksātāju virtuālās valūtas makus (gan blok-ķēdē, gan platformās esošos makus).”

Ņemot vērā augstāk minēto, var secināt, ka izvairīšanās no nodokļu nomaksas un noziedzīgi iegūtu finanšu līdzekļu vai citas mantas legalizēšana nodara lielu kaitējumu valsts budžetam, tādējādi ļoti svarīgi rast iespēju pārtraukt šo noziedzīgo nodarījumu izdarīšanu, t.sk., veicot grozījumus likumos, tādā veidā pilnveidojot krimināltieskajiem regulējumu šajā jomā.

Bibliogrāfija

Committee of Experts on the Evaluation of Anti-Money Laundering Measures and the Financing of Terrorism (2018) Pieejams: <https://www.coe.int/en/web/moneyval/-/moneyval-publishes-a-report-on-latvia> / [Apmeklēts 30.05.2019.]

Галдин М., Кондраткова Н. (2018) Сложности, возникающие при освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении налоговых преступлений. – Сборник. Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт: сборник материалов IX Российско-германского круглого стола/ред. колл. А.И. Парог, Т.Г. Понятовская. Москва: РГ-Пресс.

Juriss J. (2011) Par tiesu praksi naudas atmazgāšanas lietās. Krimināllikuma 195. panta piemērošana. Žurnāls Jurista Vārds. 19.04.2011. Nr. 16 (663). Pieejams: <https://juristavards.lv/doc/228814-par-tiesu-praksi-naudas-atmazgasanas-lietas/> [Apmeklēts 28.12.2019.]

Kovaļa L. (2013) Izvairīšanās no nodokļu un tiem pielīdzināto maksājumu nomaksas, norobežošana no citiem noziedzīgiem nodarījumiem un noziedzīgu nodarījumu kopība. Juridiskā zinātne, Nr. 4.

Kovaļa L. (2018) Kriminālatbildība par izvairīšanos no nodokļu un tiem pielīdzināto maksājumu nomaksas. Promocijas darbs. Rīga: Latvijas universitāte. Pieejams: https://dspace.lu.lv/dspace/bitstream/handle/7/45373/298-67123-Kovalas_Lubova_lk10120.pdf?sequence=1&isAllowed=y [Apmeklēts 09.11.2019.]

Krastiņš U. (2000) Noziedzīgs nodarījums. Rīga: Tiesu namu aģentūra.

Krastiņš U., Liholaja V. (2018) Krimināllikuma komentāri. Pirmā daļa (I-VIII2 nodaļa). Otrais papildinātais izdevums. Rīga: Tiesu namu aģentūra.

Krogzeme H. (2010) Mācību grāmata. Finances un nodokļi. Rīga, RTU Izdevniecība.

Latvijas Republikas Augstākā tiesa Senāta Krimināllietu departaments (2013) Tiesu prakse noziedzīgu nodarījumu kvalificēšana, ja lieta izskatīta bez pierādījumu pārbaudes

Latvijas Republikas Augstākās tiesas pētījums. (2013) Tiesu prakse lietās par noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanu un par izvairīšanos no nodokļu maksāšanas. Pieejams: http://at.gov.lv/files/uploads/files/Nodokkli%20legalizacija_anonim.doc [Apmeklēts 15.12.2019.]

Latvijas Republikas Augstākās tiesas Senāta Krimināllietu departamenta lēmumi (2006) Rīga: Tiesu namu aģentūra.

Latvijas Republikas Krimināltiesību departamenta Senāta Lēmums (2019) (Lieta Nr. 15830110809, SKK-219/2019 no 19.12.2019.

Leja M. (2019) Krimināltiesību aktuālie jautājumi un to risinājumi Latvijā, Austrijā, Šveicē, Vācijā. Noziedzīga nodarījuma uzbūve; cēloņsakarība; vaina; krimināltiesību normu interpretācija un spēks laikā. 1.daļa. Rīga: Tiesu namu aģentūra.

Pašina N. (2019) Skaidras naudas darījumu īpatnības. – *Bilances Juridiskie Padomi*. Nr. 12 (78).

Persidskis A. (2018) Promocijas darbs. Noziedzīgu nodarījumu kopība. *Biznesa Augstskola Turība*.

Rīgas pilsētas Centra rajona tiesas 30.05.2012. spriedums lietā Nr. K-27-147-12/4, krimināllietā Nr. 15830108807.

Senāta Krimināllietu departamenta senatoru kopsapulces Lēmums (2019) Par tiesību normu par noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijas novēršanu interpretāciju. Pieejams: http://www.at.gov.lv/files/uploads/files/6_Judikatura/Tiesnesu_kopsapulcu_lemumi/KLD_kop_lemums_19_06_2019_noz_ieg_lidz_leg_.PDF [Apmeklēts 31.10.2019.]

Tiesu prakse lietās par noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanu un par izvairīšanos no nodokļu nomaksas. Pieejams: <http://at.gov.lv/files/uploads/files/Nodokkli%20legalizacijaanonim.doc> [Apmeklēts 12.10.2019.]

Valsts ieņēmumu dienests (2019 (1)) Prezentācija “Pievienotās vērtības nodokļa (PVN) plaisa 2018. gada novērtējums” Pieejams: https://www.vid.gov.lv/sites/default/files/pvn_plaisas_aprekins_2019.gads_lv_ar_taxud.pdf [Apmeklēts 28.12.2019.]

Valsts ieņēmumu dienests (2019 (2)) Prezentācija “Darba algas nodokļu plaisa vispārējā nodokļu režīmā strādājošo” (“aploksņu” alga) Pieejams: https://www.vid.gov.lv/sites/default/files/aploksnu_algu_plaisa_komersantiem_kas_strada_vispareja_rezima_2018.gada_publicacijai.pdf [Apmeklēts 28.12.2019.]

References

Case law in cases of money laundering and tax evasion. Available at: http://at.gov.lv/files/uploads/files/Nodokkli%20legalizacija_anonim.doc [visited 12.10.2019]

Committee of Experts on the Evaluation of AntiMoney Laundering Measures and the Financing of Terrorism (2018) available at <https://www.coe.int/en/web/moneyval/-/moneyval-publishes-a-report-on-latvia/> [visited on 30.05.2019]

Crogland H. (2010) Training book. Finances and taxes. Riga, RTU Publication.

Decisions of the Department of Criminal Affairs of the Senate of the Supreme Court of the Republic of Latvia (2006) Riga: judicial house agency.

Decision of the Senate of the Department of Criminal Justice of the Republic of Latvia (2019) (Case No. 15830110809, SKK-219/2019 from 19.12.2019).

Decision of the Senator General Meeting of the Senate Criminal Affairs Department (2019) on the interpretation of the provisions on the prevention of money laundering. Available at http://www.at.gov.lv/files/uploads/files/6_Judikatura/Tiesnesu_kopsapulcu_lemumi/KLD_kop_lemums_19_06_2019_noz_ieg_lidz_leg_.PDF [Visited 31.10.2019]

Galdin M., Kondratkova N. (2018) complexity arising from the release of criminal responsibility for nonrehabilitating grounds for the perpetrators of a person, suspect or accused, in the perpetration of tax crimes. The item. Crimes in the field: Russian and European: tableware item/red.coll. A.I.Rarorg, T.G.Ponjatovsk. Moscow: RG-Press.

Judgment of the District Court of Riga City Centre of 30.05.2012 in Case No. K-27-147-12/4, in criminal case No. 15830108807.

Juris J. (2011) on case law in money laundering cases. Application of article 195 of the Criminal Law. Journalist's name. 19.04.2011. No. 16 (663). Available at: <https://juristavards.lv/doc/228814-par-tiesu-praksi-naudas-atmazgasanas-lietas/> [Visited 28.12.2019]

Koval L. (2013) avoidance of tax and assimilated payments, delimitation from other criminal offences and the production of criminal offences. – Legal science. No. 4.

Krastins. U. (2000) offence. Riga: Courthouse Agency.

Krastins U., Liholaja V. (2018) Comments of the Criminal Law. First part (chap. I-VIII2). Second Supplementary Edition. Riga: Courthouse Agency.

Leja M. (2019) current issues of criminal law and their solutions in Latvia, Austria, Switzerland, Germany. Construction of an offence; causal link; fault; interpretation and force of criminal law norms. Part 1. Riga: Courthouse Agency.

Pašina N. (2019) The peculiarities of the cash transactions. – Balance Legal Councils. No. 12 (78).

Persidsky A. (2018) promotional work. The common nature of criminal offences. Business High School Turība.

Public Revenue Service (2019) presentation “Value added tax (VAT) gap 2018 assessment” is available: https://www.vid.gov.lv/sites/default/files/pvn_plaisas_aprekins_2019.gads_lv_ar_taxud.pdf [Visited 28.12.2019]

Study of the Supreme Court of the Republic of Latvia. (2013) case law in cases regarding money laundering and tax evasion. Available at: http://at.gov.lv/files/uploads/files/Nodokkli%20legalizacija_anonim.doc [visited on 15.12.2009]

Supreme Court of the Republic of Latvia Senate Criminal Affairs Department (2013) jurisprudence for the qualification of criminal offences if the case is pending without proof of evidence.

The criminal responsibility for tax evasion and payment of taxes assimilated to them in Koval, Sir. (2018). Promotional work. Riga: University of Latvia. Available at: https://dspace.lu.lv/dspace/bitstream/handle/7/45373/298-67123-Kovala_Lubova_lk10120.pdf?sequence=1&isAllowed=y [visited 09.11.2009]

The State Revenue Service (2019) presentation of the “wages tax gap in the General Tax regime” (“envelope” salary) is available: https://www.vid.gov.lv/sites/default/files/aploksnu_algu_plaisa_komersantiem_kas_strada_visparsaja_rezima_2018.gada_publicacijai.pdf [Visited 28.12.2019]

DOI <https://doi.org/10.30525/2592-8813-2021-1-5>

Karina Ostapenko

INTERGENERATIONAL TRANSMISSION OF VALUES

Abstract

The need in mature, scientifically ground state migration policy is extremely high, and it is becoming more and more pressing with each subsequent year. There is an increasing demand for crosscultural comparisons, as far as yet more ethnic groups are becoming involved into migration processes. The research applied the conceptual approach, covering representatives of three generations of one and the same family. The research has demonstrated that four types of acculturation statements correspond to certain types of behavior in the process of acculturation, types of ethnic and civic identity formation. It has also revealed essential correlations of ethnic identity with acculturation strategies in three generations.

Key words: cultural transmission, generational, transmission of values.

Approaches and basic definitions to the study of the transmission of values

Transmission of values from parent to teen-ager is often seen as a sign of successful socialization, which includes “the voluntary acceptance of values, standards and customs for adaptive operation in a larger social context” [Grusec & Davidov, 2007]. Adolescence is a very important phase in the study of the value transmission, because it is a time of identity development, which is characterized by the tension between increased need for autonomy and increased conformity to the social expectations, the conformity is necessary for the acquisition of appropriate models of behavior. Thus, during adolescence children become highly susceptible to the messages conveying values, more than in any other period of childhood (Padilla-Walker 2007).

Value transfer is defined as an interactive process. It is assumed that parents and children have the innate abilities to start action, understanding their interactions with each other and making choices (Kuczynski, Navara 2006; Roest et al. 2010).

Because the transmission is interactive, it may be the reason of both: intergenerational change and the similarities between generations, however, change is not necessarily a mistake, but a possible outcome. The transmission of values from one generation to another without any changes is not always desirable, because, perhaps, new generations will have to adapt to modified living conditions, consequently, a complete transmission without any changes would be disadvantageous for an individual as well as a complete lack of transmission. Both cases would be unfavorable for successful socialization (Scholnflug 2001; Trommsdoff 2009).

Cultural transmission is the process by which culture is transmitted from previous generations to the next generations through learning. Cultural transmission creates such a phenomenon as the succession of culture, its continuity in time.

A consistent change of the cycles of cultural development within the framework of one nation or country should be as follows: previous generation should transmit the basic elements of culture to the next generation, however, secondary or non-essential values should be modified. Succession is ensured by direct contact of cultural carriers acting as teachers and students.

Since any culture develops over time, a significant part of the past cultural heritage, which has proven its value, is preserved at a new stage. The breaking of the cultural chain occurs when the lifestyle of people – carriers of a given culture – suddenly changes.

Currently, ethnopsychology uses another concept – cultural transmission, which includes the processes of enculturation and socialization and is a mechanism by which an ethnic group “inherits itself” to its new members, first of all children (Berry et al., 1992). While using cultural transmission, a group can perpetuate their specificities in the next generations through basic learning mechanisms. There are usually three types of transmission:

- *vertical transmission*, during which cultural values, skills, beliefs, etc., are transferred from parents to children;
- *horizontal transmission*, is the period from birth to adulthood, when a child learns social experience and cultural traditions, during communication with peers;
- *"indirect" (oblique) transmission*, when individual study in specialized institutions of socialization (schools, universities), as well as has a practice, learning from adults around him (relatives, senior community members, neighbors, etc.).

Cultural transmission is important for succession in a society, as it maintains communication between members of different generations and allows to preserve the culture-specific knowledge and beliefs between generations. Intergenerational transmission of the focuses is a kind of social learning, socialization, by which, children when become adults can continue to adhere to certain norms, rules, etc., moreover, transfer these focuses to the next generation – this is the continuity and succession of culture. Parents are usually concerned about the succession of values, however, children try to become independent from their parents (Lebedeva, Latypova).

Differences between generations may be caused by the choices that parents make about what values they will transfer and the choices children make about accepting or rejecting those values. This was clearly shown in the Grusec and Goodnow's model of value acquisition (Grusec and Goodnow's model 1994).

Grusec and Goodnow (1994) have proposed two groups of variables that are relevant to child acceptance of the values, according to their effect on: (a) child motivation and (b) the degree to which children see values as self-generated. The first group relates to the degree to which children are motivated to accept parents' values: harmony between parents, warmth and closeness between parents and their children are important factors. More generally, the positive relationships (few conflicts and high levels of closeness) should increase children's willingness to agree with their parents' wishes, as this promotes children's desire to identify with their parents and children's desire to obey. The second group concerns such variables as minimizing threats of autonomy, which can lead to a children belief that values are self-generated. The intrinsic motivation would lead to a higher level of children openness to parents' messages and their acceptance, since the messages would not be perceived as a threat to the autonomy. In this sense, children are able to satisfy two important needs: conformity in relation to the other's expectations and autonomy.

Thus, modest acceptance of values can have different roots and, as a result, different routes of intervention. Creating a balance in a relationships of a married couple and in a parent-child relationship (in which parents and children are neither too close nor distant) should be the main goal of any intervention aimed at improving the transmission of values in the family and the moral development of teen-agers. Parents and teachers can contribute to a teen's moral development by enhancing positive relationships and encouraging teen-ager's independence (Kuczynski, Hildebrandt 1997).

Parents should explain the importance and significance of the transmitted values so the child can fully understand their importance and learn these values as his own, thereby feeling independence following them (Hardy et al. 2008). The growing independence of the teen-ager is the most important factor of the psychosocial adaptation associated with a number of desirable educational outcomes (Grolnick et al. 1991; Soenens et al. 2007). In educational institutions, students who feel their autonomy being supported tend to be more autonomous during study process and tend to integrate the material.

To achieve a high level of coherence between parent and child values, the child's desire to accept values is not enough; it is also necessary for child to accurately perceive the values that parents want to convey (Grusec and Goodnow's).

Teen-agers think that parents strive to maintain in them primarily conservative values, while they are more open to new experience and challenges. Due to that reason, teen-agers refuse to accept conservative values.

Teen-agers explore and develop their autonomy and independent identity. The values of openness to changes that promote independence are most effective in that motivation. On the other hand, at this stage of the life cycle, parents must take care of their children. Parents need to take into account the dependency aspects, child's need for safety and rules that continue existing throughout adolescence, as well as the adolescent's growing need for autonomy (Scabini et al. 2006). From this point of view, the opposite patterns of perception of values (adolescents who consider themselves as conservative, and their parents striving for pleasure and searching for novelty) or the complete match of the values of parents and children ("I am absolutely the same as my father/my mother wants to see me") would be unexpected and would also contradict transmission problems in families (Barni 2009).

Schwartz's value model

In his individual approach, Schwartz argues that the main aspect that separates values from each other is the type of motivation in which they are reflected (Schwartz 1999-2006). Therefore, he grouped individual values into value complexes (types of motivation) that share a common goal. He argued that the basic human values that should be in all cultures are those that represent universal human needs (biological needs, the needs of coherent social interaction and the requirements for life in a group). Based on the values mentioned by previous researchers and religious, and philosophical works in different cultures, he grouped values into 10 different types of human motivation, which he understood as the main types or blocks of values (10 types were identified). These determine the focus of the individual's specific actions and all his life activity. Each type of motivation has its leading motivational goal:

Self-direction. The motivational goal is freedom of thought and action (choice, creativity, knowledge), conditioned by the individual's need to be autonomous and independent.

Stimulation – wealth of life. The motivational goal is novelty and competitiveness in life, which is necessary to maintain an optimal level of activity in the organism.

Hedonism. The motivational goal is pleasure, enjoyment of life. It is based on the need to satisfy biological needs and the pleasure experienced during that moment.

Achievement. The motivational goal is to achieve personal success within the framework of shared cultural standards and gain social approval.

Power. The motivational goal is to achieve social status, prestige and influence on other people. Based on the need for domination, leadership.

Security. The motivational goal is stability, safety and harmony of society, family and the individual himself. It is based on the need for adaptability and predictability of the world, reduction of uncertainty.

Conformity. A motivational goal is to restrict actions and motives that harm others or violate social harmony. It is based on the need of groups for self-preservation and survival and the need of the individual to harmonically interact with other people, while suppressing socially destructive obliquities.

Tradition. The motivational goal is to respect and uphold customs, acceptance of the ideas that exist in a particular culture and religion. Traditional behavior becomes a symbol of the group's solidarity, an expression of the uniqueness of its picture of the world.

Benevolence. The motivational goal is to maintain and increase the well-being of the people with whom the person is in contact. It is based on the need for positive interaction for the well-being of the group and the individual need for affiliation.

Universalism. The motivational goal is understanding, gratitude, tolerance and maintenance of the well-being of all people and nature. This motivational type was not deduced from the three specified universal human needs, but was discovered empirically during the study of values. This goal seems to be based on the universal needs for beauty, harmony and justice.

Schwartz developed a theory of relationships between these leading types of human motivation (Schwartz, Bilsky 1990). The logic of the relationship between values is deduced by the relationship between the motives of behavior and the actions. Each type of motivation has a goal that guides a person's aspirations, which lead to concerted or conflicting actions. Thus, the conflict or harmony between values determines the strategies of behavior.

The authors proposed the following typology of contradictions between values.

1. The values of "Conservation" – safety, conformity, tradition – contradict the values of "openness to change" – stimulation and independence. Here there is a clear opposition between the value of the autonomy of the views, actions of the individual and the value of preserving traditions, maintaining the stability of the society.

2. The values of "Self-Transcendence" – universalism, benevolence – contradict the values of "Self-Enhancement" – power, achievement, hedonism. There is also a clear position between caring for the welfare of others and the desire to dominate people.

Previous researches

Previous studies have provided evidence of intergenerational transmission of values in both individualistic and collectivist cultures (Boehnke 2001; Georgas 1991; Knafo, Schwartz 2001, 2003; Phale, Scholnpflug 2001; Pinguart, Sillbereisen 2004).

The values that parents would like to see in their children the most, in the literature are referred as "socialization values" are not necessarily identical with the personal values of the parents. Although some studies (for example, Knafo, Schwartz 2001) have shown a strong correlation between the values parents want to have for themselves and the values they want their children to have (Pearson's correlation coefficient from .60 to .80), there was no perfect agreement. Thus, the measured agreement between the values of parental socialization and the personal values of the children, not between the personal values of the parents and the personal values of the children reflects the favorable outcome of the presumptive socialization.

A number of studies have looked at factors that may influence the accuracy with which children perceive parents' values. Drawing the child's attention, clarity and abundance of parents' messages are positively associated with accuracy (Okagaki, Bevis 1999; Knafo, Schwartz 2003).

As previous studies (Barni, Ranieri 2010) show, we can assume that the values of parents and teen-agers become more homogeneous by the time of age of majority. The progressive attribution of adult roles by children and increasing responsibility also mean acceptance of parent-shared priorities and beliefs, consistent with personal and social life and the adult generation as a whole. Some authors (Vollebergh et al. 2001) consider late adolescence as a "stage of formation", the foundation of deeper moral and cultural orientations.

The adolescents' perception of parents' harmony in relationships was found to be more significant than the actual degree of parents' harmony in relationships in determining the level of acceptance. This confirms the central role of perception in interpersonal processes and its role as a filter of reality (Gagné, Lydon 2004), supporting the importance of relying on individual perception. A number of studies in recent decades have been based on adolescents' personal reports of parent-child relationships, which have been considered as meaningful sources for understanding family processes. The choice to use the views of adolescents was based on the belief that adolescents can give an accurate picture of family relationships, regardless of whether adolescents may be accurate or not, their perception of family processes determines their choices and behavior (Smetana et al. 2002). This seems to hold true for the acceptance stage in the value transmission process.

The family context, characterized by closeness and support, encourages the child to accept parents' values as it increases desire to please the parents. In addition, family closeness is usually characterized by the presence of interests, values and behaviors shared by all family members (Scabini et al. 2006).

Grusec and Goodnow introduced the concept of "self-generation", which means that the child should feel that he is creating his own values and that this feeling promotes acceptance the values.

For the first time in Latvia, the study "Transmission of values in three generations in Latvian families" was carried out in 2014 (Plotka, Blumenau, Čāče 2014). The study showed that the older generation (mothers and grandmothers) is dominated by social values, while the younger generation is dominated by individual values. For young people, such values as self-realization, openness to changes are important, which indicates the personal orientation of the value orientation.

Conclusion

Research on the transmission of values makes it possible to identify both stable and variable elements of culture, a range of changes in values and social attitudes, which is important not only for science, but also for the practice of interpersonal and intercultural interaction.

References

- Albert I., Trommsdorff G., Wisnubrata L. (2009). Intergenerational transmission of values in different cultural contexts: A study in Germany and Indonesia. – *Quod Erat Demonstrandum: From Herodotus' ethnographic journeys to cross-cultural research*. Pp. 221- 230.
- Aron A., Aron E. N., Smollan D. (1992) Inclusion of other in the self scale and the structure of interpersonal closeness. – *Journal of Personality and Social Psychology*. pp. 596–612.
- Barni D. (2009) *Transmitting values. A comparison between three family generations*. Milano: Unicopli.
- Barni D., Ranieri S. (2010) Value transmission in the family: a dyadic measure of parent-child value similarity. – C. Galimberti, G. Scaratti (eds.) *Epistemologies of complexity in psychological research*. pp. 63–95.
- Baron R. M., Kenny D. A. (1986) The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: conceptual, strategic and statistical considerations. – *Journal of Personality and Social Psychology*. pp. 1173–1182.
- Boehnke K., Hadjar A., Baiter D. (2007) Parent-Child Value Similarity: The Role of Zeitgeist. – *Journal of Marriage and Family*. pp. 778-792. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1741-3737.2007.00405.x>
- Knafo A., Schwartz S. H. (2001) Value socialization in families of Israeli-born and Soviet-born adolescents in Israel.- *Journal of Cross-Cultural Psychology*. No 32 (2). pp. 213–228.
- Knafo A., Schwartz S. H. (2003) Parenting and adolescents' accuracy in perceiving parental values. – *Child Development*. No 74 (2). pp. 595–611.
- Lebedeva N. M. Tatarko A. N. (2011). *Methods of ethnic and cross-cultural psychology*. Moscow: HSE. [Лебедева Н. М. Татарко А. Н. (2011). *Методы этнической и кросскультурной психологии*. Москва: НИУ ВШЭ]

Schwartz Sh., Butenko T. P., Sedova D. S., Lipatova A. S (2012) A refined theory of basic individual values: application in Russia. – Psychology. Journal of the Higher School of Economics. Vol. 9, No. 1. pp. 43-70. [Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д.С., Липатова А. С. (2012) Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России. – Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 9, № 1. с. 43-70]

INFORMATION FOR AUTHORS

“Baltic Journal of Legal and Social Sciences” publishes articles in Latvian, Russian and English. The theme of the article should be disclosed in a clear, logical and well reasoned way.

The requirements to the structure and the layout of articles are the following:

- The size of the submitted article, including the bibliography, should be within 20,000-50,000 characters with spaces. The article is presented in Microsoft Word, paper size – A4, margins along the edges of the page – 20 mm on each side.

- The text of the article: font Times New Roman; font size 12 pt; line spacing 1,5 , the first line of each paragraph with indentation 1.5 mm.

- Components of the articles should be laid out as follows:

1. the title of the article is written in capital letters (font Times New Roman, font size 12 pt, Bold, Center);

2. Information about the author (font Times New Roman, font size 12 pt, Bold, Center): the name and surname of the author(s), their scientific and academic degree, position and place of work (for postgraduate and doctoral students the full name of the university, the name of departments not specified);

3. the abstract should be in the range of 6-7 sentences, and describe the main ideas of the article (font Times New Roman, font size 12 pt);

4. after the abstract the key words (5-6) follow, which are the most important concepts discussed in the article and related to the theme (font Times New Roman, font size 12 pt).

- The article should have the following basic structural parts consecutively emphasized in the text: the statement of the problem, its relevance / importance, the analysis of recent publications on the subject of the article, the purpose of the research conducted by the author, main findings, conclusions, and the list of references. The titles of the structural elements, as well as parts of the article, in the case of their designation by the author, should be marked in bold.

- The bibliographic list of regulations, normative acts and references to literary sources is placed at the end of the article with the use of the numbering arrangement starting with the first reference to the source of information in the main body of the text (font Times New Roman, font size 12 pt).

- Illustrations, tables, figures, created by means of MS Office and MS Visio should be located within the working area of a page. Figures created in other programs are inserted into the text at the appropriate place and attached to the article in separate files in .jpeg, .tiff, .pdf, or .psd. Figures in .jpeg and .tiff should have a resolution not less than 300 pixels / inch. All graphic materials inside the articles should be in black and white.

- *Sample for the design of articles in journals:*

Johnson A., Schwartz H. (2021) Comparative analysis of political participation in Latvia and Estonia. – Baltic Journal of Legal and Social Sciences. No 1(20). pp. 59 –81.

- *Sample for the design of articles in collections of scientific articles and monographs:*

Tajfel H., Turner J. C. (1979) An integrative theory of intergroup conflict. – W. G. Austin, S. Worchel (eds.) The social psychology of intergroup relations. Monterey, CA: Brooks-Cole. pp. 33 – 48.

- *Sample for the design of a monograph:*

Rothschild J. (1981) Ethnopolitics. A Conceptual Framework. New York: Columbia University Press.

- *Sample for the design of articles on the Internet:*

Petričušić A. (2005) The Rights of Minorities in International Law: Tracing Developments in Normative Arrangements of International Organizations. – Croatian International Relations Review. Vol. XI No. 38/39. <http://bib.irb.hr/datoteka/421246>.

CIRR_Petricusic_MR_IL.pdf

If the text of the article is in Latvian or in Russian, then it is necessary to provide an English translation of the article, the author's name and place of work, an abstract and keywords, as well as a references with an English translation of the title of the cited work and its source.

Articles for publication are e-mailed to the address: vladislavs.volkovs@bsa.edu.lv

All articles are subject to reviewing by the Editorial Board, which is entitled to perform a literary editing of submitted texts.

The Editorial Board has the right to reject articles submitted for publication in violation of these requirements.

NOTES

Baltic Journal of Legal and Social Sciences. Number 1 (2021).
Publicētie materiāli ne vienmēr atbilst redakcijas viedoklim.
Par skaitļu, faktu pareizību un sludinājumiem atbild autori.

Izdevniecība “Baltija Publishing”
Valdeku iela 62-156, Rīga, LV-1058
Iespiests tipogrāfijā SIA “Izdevniecība “Baltija Publishing”